

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

3/89

КРУГОВОЗОР

ДОБРЫЙ
СВЕТ
КРАСОТЫ

ISSN 0130-2698 Индекс 70 461

Перестройка — это наша работа
Боль и мужество Армении

Горькая исповедь самоубийцы
Н. Самохин: судьба в наследство

Стихи Татьяны Смертиной
Наш современник Модест Мусоргский

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Вертинский. Он не мог петь в клетке
Марина Влади и Владимир Высоцкий

Встреча с Алексеем Фатьяновым
А. Зубков и С. Ротару — для читателей

Тиффани — звезда шоу-бизнеса
Мечты Тамары Гвердцители

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Однажды я написал такие строчки:

*Люблю, когда поет Булат,
быть человеком просит,
и тихий голос на закат,
как дым костра относит.*

Одиноко и тревожно Окуджава запел в годы моей юности, и в астрадном воздухе завитало благородство; это была эпоха районных джазов, пыльных танцплощадок, и поющий поэт, сам того не зная, как бы противостоял всему орущему. Как и сегодня, кстати...

Сегодня бардам нет числа. Все поют, подражая Окуджаве или Высоцкому. Они были первыми, но не правом первенства отгородились они от многих своих подражателей, стихи которых без музыки и голоса никогда не выйдут в чистое поле книжного листа, разящее читательское око не даст им пощады. Даже поранить руку, порезать палец — непозволительная роскошь для ныне здравствующих поющих поэтов, даже охрипнуть нельзя...

Об этом я думал, когда выступал с Булатом Окуджавой на поэтическом вечере, где он просто читал новые стихи. Без гитары.

Звуковой мираж все равно сопровождает их, но это уже судьба, а легкость слова, изысканность строки, светские обращения у прошедшего войну поэта звучат как право на романтичность, на мечтательную грезу в знойном воздухе лета на привале, на пыльной обочине.

И. ШКЛЯРЕВСКИЙ

■
*Не бродяги, не пропойцы,
за столом семи морей
вы пропойте, вы пропойте
славу женщины моей!
Вы в глаза ее взгляните,
как в спасение свое,
вы сравните, вы сравните
с близким берегом ее.
Мы земных землей. И вовек
к черту сказки о богах!
Просто мы на крыльях носим
то, что посят на руках.
Просто пужно очень верить
этим синим манкам,
и тогда нежданный берег
из тумана выйдет к вам.*

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

*Когда мне невмочь пересилить
беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус
сажусь на ходу,
в последний,
в случайный,
Полночный троллейбус,
по улице мчи.*

*верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать,
потерпевших в ночи
крушенье.
крушенье.
Полночный троллейбус,
мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры —
матросы твои —
приходят на помощь.
Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе,*

*доброты
в молчанье,
в молчанье.
Полночный троллейбус
ильвет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком
стучала в виске,
стихает,
стихает.*

ПЕСЕНКА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

*Вы слышите: грохочут сапоги?
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят*

*из-под руки?
Вы повяли, куда они глядят?
Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней,
прощайся с ней...*

*Уходит взвод
в туман — туман — туман...
И прошлое
ясней — ясней — ясней.*

*А где же наше мужество, солдат,
Когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут
И, как птенца,*

*за пазуху кладут.
А где же наши женщины, дружок,
Когда вступаем мы на своей
порог?*

*Они встречают нас
и вводят в дом,
Но в нашем доме пахнет
воровством.*

*А мы рукой на прошлое: вранье!
А мы с надеждой в будущее:
свет!*

*А по полям жиреет воронье,
А по пятам пойна грохочет
вездь.*

*И снова переулком — сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят
из-под руки...
В зяблочки наши круглые
глядят.*

■
*Всему времечко свое:
лечь дождю,
Земле вращаться,
знать, где первое прозренье,
где последний черта...
Началась идруг война —
не успели попрощаться,*

*адресами обменяться
не успели ни черта.
Где встречались мы потом?
Где нам выпала прописка?
Где сходились наши души,
воротясь с передовой?
На поверности ль земли?
Под пятой ли обелиска?
В гастрономе ли арбатском?
В черной туче ль грозовой?
Всяк неправедный урок
вырок затвержен и заучен,
ибо праведных уроков не бывает.
Прах и клеи.
Руку на сердце клал,
разве был я невезучим?
А вот надо ж, сердце стынет
в ожиданье перемен.
Гордых гимнов, видит бог,
я не пел окопной каше.
От разлук не зарекаюсь
и фортуны не кланю...
Но на мягкое плечо,
на вечернее, на ваше,
если вы не возражаете,
я голову склоню.*

■
*Все глуше музыка души,
все громче музыка атаки...
Но ты об этом не спешит:
не обмануться бы во мраке,
что громче музыка атаки,
что глуше музыка души.
Чем громче музыка атак,
тем слаще мед огней домашних,
и это было только так
в моих экзистенциях вчерашних:
тем слаще мед огней домашних,
чем громче музыка атак.
Из глубины успешных лет
еще вернее, чем когда-то,
чем громче музыка побед,
тем горше каждая утрата,
еще вернее, чем когда-то
из глубины успешных лет.
И это все у нас в крови,
хоть этому не обучали:
чем звонче музыка любви,
тем громче музыка печали,
чем громче музыка печали,
тем выше музыка любви.*

■
*В нашей жизни,
прекрасной и странной,
и короткой, как росчерк пера,
над дымящейся свежею раной
призадуматься, право, шора.
Призадуматься и приемотреться,
поразмыслить, покуда живой,
что там кроется
в сумерках сердца,
в самой черной его кладовой!
Пусть твердят,*

*что дела твои плохи,
по шора научиться, шора
не вымалывать жалкие крохи
ангелсердия, правды, добра.
И пред ликом суровой эпохи,
что по-своему тоже права,
не выжужжать жалкие крохи,
а творить засучив рукава.*

ЧТО ЕСТЬ КАРЬЕРА

Это было как гром среди ясного неба.

Освобожденный комсомольский секретарь строительного треста «Мосотделстрой-5» Игорь Васильев перешел на должность мастера.

Свой парень, строитель, в тресте с 1978 года, в армии отслужил, сюда же вернулся, здесь и женился. Словом, вся жизнь на виду. Ну, а уж комсомольский лидер, как говорится, милостью божьей. И все-таки он ушел на стройку, хотя накануне из райкома получил заманчивое предложение перейти из треста на более высокую должность. Как он признался друзьям, это предложение только подтолкнуло его, укрепило в своем решении.

Что есть карьера? Для одних — теплое кресло, высокая должность, власть, поездки за рубеж... Для таких, как Игорь, карьера — это прежде всего дело.

— До чертиков захотелось вернуться на стройку,— объясняет Игорь.— Тем более что там сейчас работы непочатый край: с «незавершенкой» пора кончать, организация труда на допотопном уровне, не говоря уже о компьютеризации. Так что я не с кондачка подался в мастера, пора всю эту строительную машину, неповоротливую и несовершенную, перестраивать...

Для любителей счастливых финалов скажу, что с первых же шагов на новом поприще Игорь столкнулся со старой и непробиваемой системой: идея внедрения прогрессивной организации труда по методу В. Г. Водянова, за которую горячо ратовал наш герой, не нашла поддержки. А все потому, что практика авралов не изжита, по-прежнему сильна зависимость от поставщиков и снабженцев, а это не дает возможности действовать самостоятельно.

Так что небо, в котором прогремел гром, увы, оказалось не таким уж безоблачным и ясным. Но отступать он не собирается.
Любовь ТЕРЕХОВА

Своими размышлениями о молодежных проблемах, о перестройке мастер СУ-215 Игорь Васильев делится на первой звуковой странице.

НО... СКАЗАЛ
ПУБЛИЦИСТ

ДЕНЬ НОВЫХ ИДЕЙ

Я начал писать повесть... Повесть о Новом. Для ясности нужно было бы сказать, что события связаны с перестройкой. Но слово «перестройка» так часто видишь на страницах газет и журнальной периодики, что употреблять его в литературном произведении — значит невольно сбиться на публицистику. И еще: заметил я, что критики, зачастую довольно резко разбирающие работы прозаиков, и прозаики, не любящие за это критический цех, вдруг, может быть, впервые, пришли к согласию... Да-да, не нужно удивленно качать головой, именно к согласию — поелику Новое при всей своей остроте и необходимости художественного осмысления не терпит суевы и поспешности.

И все же я решился, написал повесть о Новом. Первая ее часть под названием «Была весна» помещена в журнале «Москва».

А теперь меня попросили рассказать читателям «Кругозора», как складывалась эта повесть, как были найдены ростки Нового, ради которых пишется ее продолжение.

...Как-то по просьбе большой газеты я приехал на стройку.

— Что хотите посмотреть? — спросила меня начальник площадки, худощавая женщина лет сорока с усталым лицом (в повести я назвал ее Верой Алексеевной).

— Ничего.

— Так уж и ничего? И не будете писать в статье о том, как «мощно движется опалубка и неумолимо растет дом»?

— Не буду.

— Странно. Тогда, позвольте узнать, зачем вы приехали?

Я старался создать непринужденную обстановку для интервью, улыбался, но, кажется, это у меня не очень получалось.

— Для начала один вопрос: каким, по-вашему, должен быть современный руководитель?

— И что же на этот вопрос вам отвечают другие?

— Разное. Ну, например, такое. Руководитель должен держать

Фото
А. ЛИДОВА

слово, быть справедливым, энергичным, в совершенстве знать свое дело...

Вера Алексеевна усмехнулась: — Но ведь все это можно требовать только от автомата. Человек не может всегда держать слово, сие зачастую от него не зависит. И справедливым не всегда может быть, у него бывают свои привязанности, а это влияет на поступки...

«Эге, миленькая,— подумал я,— привязанности на работе?! А не есть ли это прямое нарушение деловой этики?»

— У меня работает изолировщица Аглия Петровна, так получилось, что вместе мы переходим со стройки на стройку. Старая она уже. Так вот ей я разрешаю то, что не позволяю другим. И потом, что значит «знать в совершенстве свое дело»? Иные, не спорю, весьма компетентные руководители видят за этим право досконально вникать во все мелочи. Но ведь в каждом деле есть детали, которые известны только узким специалистам. Надо им доверять!

И энергичным он может быть только тогда, когда чувствует себя хорошо и, простите, не поругался дома...

— Значит?

— Скажите, вы-то сами могли быть таким?

— Но я не руководитель.

Она насмешливо посмотрела на меня:

— Вряд ли человек может рассчитывать на прямой ответ, если сам от него уклоняется.

Кажется, я уже был повержен, оставалось только сдаться на милость победителя.

— Извините, вы правы, сейчас подумаю... Хорошо, ну а по-вашему, каким должен быть руководитель?

— Он прежде всего должен всегда оставаться человеком. И с ним должно быть интересно работать.

— А вы знаете такого руководителя?

Едва заметная тень прошла по ее лицу. Да, она знала такого. Даже на оперативках, во время жестких баталий между прорабами и снабженцами, он вдруг спрашивал: «А что бы вы, именно вы, могли предложить, какую новую идею?»

...Потом у меня была еще одна встреча. Это было в другом городе и совсем на ином строительстве. На площадке, где монтировались фундаменты, я встретился с молодым человеком, прорабом. Я всегда считал, что умею вести разговор с молодыми людьми. Сколько их перебивало у меня на стройках!

— Недавно институт окончили? — бодро начал я.

— Институт? — удивился молодой человек.

— Значит, техникум?

— Я кандидат наук.

На меня смотрели внимательные серые глаза.

— Что же кандидат наук делает на стройке? — Я никак не мог прийти в себя от удивления.

Молодой человек рассмеялся:

— Тут интересно.

Интересно... Я мысленно представил себе, что этот молодой человек работает в том же тресте, что и моя знакомая Вера Алексеевна. Было бы ему интересно? Были бы у него идеи?

Вспомнилась беседа с Героем Социалистического Труда Корнелием Аркадьевичем Глуховским.

«Стройка начинается с проекта,— говорил он.— Именно в проекте прежде всего следует искать удешевление и ускорение строительства». И Корнелий Аркадьевич рассказывал, как организовал у себя Бюро экспертизы проектов, которое за короткое время удешевило строительство на 120 миллионов рублей. Если ввести такую экспертизу повсеместно, проверить проекты на всех стройках, то, по утверждению Корнелия Аркадьевича, можно ежегодно экономить 3 миллиарда рублей.

И теперь, слушая молодого человека, кандидата наук, который, конечно, много читает, знает об опыте К. А. Глуховского, я подумал, что он мог бы предложить использовать его опыт.

...Совсем по-другому воспринимал новизну прораб, которого я вывел в повести под фамилией Чугунов.

— Есть производитель работ,— говорил Чугунов,— и есть бригада. Он, прораб, обязан обеспечить бригаде все что нужно; бригада без всяких фокусов обязана выполнить норму и, главное, слышите, главное, дать качество. Хватит! Слышите, хватит приглашать югославов, финнов, шведов — кого только не приглашаем! — строить гостиницы в Москве, Ленинграде, Киеве, Ялте, как будто в этих городах нет своих хороших строителей. В чем дело?

Он, Чугунов, точно знает причину этого. Спросите его, почему плохо строят? Он ответит прямо: «А потому, уважаемые, что все поставили вверх ногами, прораба превратили в мальчишку, нет у него никаких прав и обязанностей. Главное, мол, бригада. Ходят вокруг нее — ах, ах! — бригада вчера дала 120 процентов нормы. А скажите, пожалуйста, как это бригада может давать такие проценты, ведь чудес не бывает. Говорят, что нужно привлекать бригаду к руководству, чтобы она хозяйном стройки была.

А знаете, когда это будет? Знаете? Так вот я вам скажу, не тогда, когда она впутается в прорабские дела, а когда все работы будут завершаться высоким качеством. Вот в чем сознательность бригады, ее хозяйское отношение к делу.

А все эти проценты от лукавого. Простой пример: для того чтобы окрасить дерево эмалевыми красками, нужно выполнить 15 операций. Сейчас самое большее делается четыре. Сравните: 15 и 4! Вот откуда берутся проценты перевыполнения, вот откуда возникает брак. Он, Чугунов, все поставил на свое место: сам вкальвует, бригаду обеспечивает, но спуска никому не дает.

Я спросил прораба, какую новую идею он мог бы предложить в строительстве. «Качество», — ответил он.

Так возникла на стройке мысль о Дне идей. Собираться нужно не только для того, чтобы проверить обеспечение фронта работ, договориться о графике, завозе материалов, а раз в квартал, может быть, раз в полгода собирать инженерно-технических работников, чтобы они высказывали свежие мысли, как перестроить работу, как по-новому вести дело.

В повести, которая еще на рабочем столе, я так описал появление «Дня идей».

...Сначала начальники площадок отнеслись к предложению насмешливо. «Моя идея,— сказал один,— выполнить график». «А у меня — хорошо выспаться», — заявил второй. Смеялись. Управляющий через силу тоже улыбался. «Ну, а вы, Вера Алексеевна?» — спросил он. «Эй, вы, друзья,— она встала,— если уж смеяться, то следует предлагать действительно смешное, а вы — выспаться. Ах, как смешно! Совсем графики мозги вам запарошили, предлагаю кончать смешки и со своей стороны вношу предложение». В кабинете стало очень тихо. Именно тогда она высказала свою давнишнюю идею: строители не могут всегда зависеть от заводов, сколько домов выпустили — столько их и смонтировали. Нужно оторваться от заводов — возводить дома из монолитного бетона в подвижной опалубке.

Позже управляющий отvez ее домой... Улыбаясь, слушала она заверения, что он поможет все организовать, но думала о другом: может быть, пригласить его к себе? Он уехал. Она долго сидела за столом, машинально разглагользывая рукой скатерть... Вполне возможно, в следующий раз она наберется смелости. Но управляющий больше ее не подвозил.

Дальше в повести по воле автора наш молодой человек очутился в том же тресте и на очередной «День идей» пришел с предложением применить опыт Глуховского, а прораб Чугунов явился со своей идеей о качестве.

Я старался написать в повести о Новом. Прочтите ее, буду рад услышать ваше мнение. ■

Никто за нас не решит наши проблемы. Важно понять: работая на перестройку, каждый работает на себя, на благополучие своей семьи, на процветание нашей Родины. Перестройку надо защищать, а главное — энергично и последовательно двигать ее вперед. Только мы сами, вместе, дружными усилиями можем преодолеть любые трудности и достичь намеченного. Для этого мы имеем все.

Из «Обращения ЦК КПСС к партии, советскому народу».

Лев ЛОНДОН

Полетел бы я в дом,
 где жил, где рос,
 Если б в небо мог подняться.
 Разве может с тем,
 что любил до слез,
 Человек когда-нибудь

расстаться?..

Эти строки песни из давнего фильма «Без вести пропавший» всякий раз вспоминаются мне, когда приезжаю в Вязники. Небольшой, красивый и уютный городок на владимирской земле. Родина замечательного советского поэта-песенника Алексея Ивановича Фатьянова (1919 — 1959).

Память подсказывает слова и мелодии фатьяновских песен, так или иначе связанных с этим милым его сердцу краем: «Где ж ты, мой сад?», «Давно мы дома не были», «Далеко родные осины», «По мосткам тесовым», «Когда весна при-

дет»... Что ни песня, то россыпь поэтических образов, жизненных ассоциаций, истоки которых именно здесь, на вязниковской земле, где многое осталось таким, каким было при жизни Фатьянова, и бережно сохраняется его земляками. В этом легко убедиться, побывав на «Алешиных праздниках в Вязниках», как их любовно окрестили в народе. Начиная с 1974 года, они проводятся каждое лето, в середине августа, и собирают тысячи людей. Поначалу праздник был городским, потом областным, а прошлогодний, 15-й по счету, на котором мы побывали с фотокорреспондентом «Кругозора» стал уже 1-м Всероссийским фатьяновским праздником поэзии и песни — таков ныне его статус.

В гости к вязниковцам по традиции приехали многочисленные по-

Звонят песни
 над Клязьмой.
 Дом,
 где родился
 поэт
 А. Фатьянов.

Фото
 Л. ЛАЗАРЕВА

АЛЕШИНЫ ПРАЗДНИКИ

**МАСТЕРА СОВЕТСКОГО
 ИСКУССТВА**

читатели таланта Алексея Фатьянова Среди них те, кто хорошо знал поэта, дружил с ним: актеры кино Н. Рыбников и А. Ларионова, поэт Л. Ошанин, композитор В. Сорокин. Вместе с исполнителями фатьяновских песен Л. Серебренниковым, Г. Каменным, А. Литвиненко они побывали на предприятиях города и района, в колхозах и совхозах, выступили с концертами, приняли участие в открытии мемориальной доски на здании в центре города, где жила семья поэта и где скоро будет открыт его литературно-мемориальный музей.

Есть такая доска и на доме Меньшовых — старинной русской избе на городской окраине, летом утопающей в зелени вишневых садов, бывшем Малом Петрино. Тихую улицу своего детства, где в доме своего дяди — Меньшова родился и рос, где подростком «гонял по крышам голубей», поэт вспоминает в песне из фильма «Весна на Заречной улице». Воспоминания о малой родине вызвали в душе поэта такие строки: «Там под липами, в старом доме, я родился в голодном году, там навек полюбил я гармони, соловьев и берез красоту...»

Бывшую Подгорную назвали улицей Алексея Фатьянова. От нее рукой подать до стремительного крутояра, открывающего изумительный вид на город и его окрестности, опоясанные широким разводьем реки Клязьмы. И невольно снова приходят на память фатьяновские строки: «И куда ни помотришь, все цветы полевые, все березы да зори. Все Россия, Россия!»

Закатной порой, когда спадет жара и солнце нехотя скроется в неоглядных заклязьминских далах, вам вдруг почудится, что вот вот приоткроется ворота и выйдет сам хозяин — высокий, русоволосый. Приветливо поздоровается и направится привычной дорогой к старинному городскому парку, где вовсю разрослись воспетые им вязы и липы. Субботними и воскресными вечерами на танцплощадке, примостившейся в глубине парка, играл в те годы духовой оркестр. Звуки музыки и сегодня, чудится, все еще плывут между стволами деревьев, над зеркалом пруда.

Фатьянов любил приходить в этот парк, гулять по его аллеям. Все это отозвалось потом в песне, написанной в 1947 году в сотрудничестве с композитором М. Блантером: «В городском саду играет духовой оркестр. На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест...»

Жилось Фатьянову в литературе непросто: часто донимали и не давали ему покоя окололитературные евнухи — кусали в газетах и журналах, упрекали в «бездкусие», выдергивая по две-три строки

из песен. В постановлении ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года «О кинофильме «Большая жизнь» разгромной критике был подвергнут не только сам фильм, но и его песни, написанные композитором Н. Богословским на стихи А. Фатьянова. Было сказано, что они «проникнуты кабацкой меланхолией и чужды советским людям». Там же речь шла о «пошлых романах» звучащих в фильме, и о других «низкопробных приемах», рассчитанных «на самые разнокалиберные вкусы и особенно на вкусы отсталых людей».

Утверждают, что текст этого постановления был написан самим Сталиным. Согласитесь, нелегко дело после такой оценки «самого». А ведь речь шла о песне «Три года ты мне снилась» в исполнении Марка Бернеса, которая — пришло время — стала одной из популярнейших в народе.

Однажды Фатьянов принес два стихотворения на заседание редколлегии альманаха «День поэзии» и попросил их напечатать. Очень волновался. Стихи прочли при нем и отвергли. Поэт не выдержал — заплакал. Он сидел большой, беспомощный и очень ранним... В этом эпизоде, как о нем рассказывал впоследствии К. Ваншенкин, весь Фатьянов — поэт и человек. Спустя некоторое время те же самые стихи зазвучали с киноэкрана. Кто теперь не знает песни «Когда весна придет» и «Ты сама догадайся по голосу».

Он рано ушел из жизни, сорокалетним, в расцвете таланта. При жизни у автора бессмертных «Соловьев» вышла всего одна книжка «Поет гармонь» во Владимирском книжном издательстве. А ведь он был настоящим мастером многотрудного песенного жанра. Это стало особенно видно сейчас, когда время неумолимо отфильтровало все, что создано в песенной поэзии минувших лет. ■

Юрий БИРЮКОВ

На девятой звуковой странице А. Фатьянов читает свои стихи, звучат песни «Ты сама догадайся по голосу» из кинофильма «Дом, в котором я живу» (музыка Ю. Бирюкова) в исполнении Л. Гурченко и «Когда проходит молодость» (музыка В. Сорокина) в исполнении Л. Утесова.

Меня уже ничем не испугаешь — после того, что я там видел.

Плиту приподняли краном. Под нею, в мешанине стальной арматуры, шевельнулось что-то... В свете фонарика обозначилась спинка детской кровати одеяло, присыпанное щепнем. Кто-то пискнул там, какое-то слово произнесено было по-армянски...

И вдруг — грохот и пыль. Плита рухнула. Лопнул трос, и она вдавилась в бетонное крошево глубже, чем лежала раньше! Многоголосый крик ужаса заглушил звук лопнувшей струны.

Это было на улице Ширакацы в Ленинакане. На доме номер 13. Точнее — на куче, которая раньше была девятиэтажкой. На куче высотой 5 метров — не больше, где по слоям перекрытий можно было бы сосчитать этажи. Можно было бы... Если не задумываться, отогнать мысль о том, что там, между слоями...

И совсем не нужно было взбираться на каждую кучу, чтобы представить себе масштабы катастрофы, обрушившейся на эту, повидавшую на своем веку много горя землю. Можно было долго-долго стоять на куче номер 13, плакать и ругаться вместе со спасателями, плакать и ругаться вместе с родственниками тех, кто лежал в руинах и, может быть, еще был жив, отбиваться от тех, кто пытался перетащить кран на соседнюю кучу, в кровь рвать руки о сплющенное железо и раздробленные камни и мечтать о бульдозере, который мог бы обирать кучу по краю, осыпать ее осторожно, сантиметр за сантиметром...

Если все это помножить на 600 только в Ленинакане, а потом еще на две сотни в Спитаке, Кировакане и Степанаване, а потом еще на тысячи в 58 снесенных грозной стихией до основания деревнях — только тогда составится весьма приблизительное представление о масштабах ведущейся в те горькие часы работы. А масштабы горя... Какой мерой их представить?! Сознание не выдержит — распадутся все его связи.

Никто не был занят тем, чтобы собирать истории о мужестве. — не до этого было. Лишь рассказы очевидцев сохраняют для истории, для потомков — какое здесь было проявлено мужество.

Учитель спас 15 детей в сельской школе Джаджура. А сам погиб под руинами.

Бабушка телом закрыла внучку от падающих сверху обломков...

Мать вскрыла себе вену и кровью поила новорожденно-го, чтобы не погиб от жажды, когда иссякло молоко.

Хирург прямо в пазухе завала ампутировал рабочему руку, зажатую между многотонными плитами: рука или жизнь — так стоял вопрос.

МУЖЕСТВО

Нам пока не известны фамилии героев этих историй: они будут названы завтра. Но их не счесть. В фантастических масштабах катастрофы и героизм людей обрел фантастический размах.

Снова хочется напомнить о мужестве, верности гражданскому долгу таких людей, как первый секретарь Спитакского райкома партии Норик Мурадян. Потеряв самых дорогих людей и товарищей по работе, он дни и ночи оставался в эпицентре борьбы за спасение жизней. В эпицентре горя и мужества.

...Я вздрогнул, когда группа жильцов бывшего дома номер 13 начала кричать на нас с кинооператором Юрием Прокофьевым. Что делали мы не так? Выяснилось, что

Выдержка и мужество отличали в эти дни первого секретаря Спитакского райкома партии Н. Мурадяна.

Фото в ВАСЕНИНА
Внизу — фото Ю. ЛУНЬКОВА

всех снимаем на пленку, а его вот не снимаем. А кого и снимать, как не его?! И чуть не силой подтащили к нам армяне худого, обросшего жесткой щетиной русского парня.

— Вот он! 39 человек вытащил! Один!

Я никогда не смогу считать эту жизнь справедливой, если Андрей Терентьев, работник московского бассейна «Чайка», не будет награжден важным правительственным орденом. Я никогда не разочаруюсь в этой жизни, пока есть в ней вот такие, как этот спелеолог-любитель, не знающий, куда от смущения прятать глаза.

— Он с первого дня здесь! — выкрикнул кто-то.

— Нет! Это неправда, Гриша. — обрета вдруг твердую почву под ногами, возразил Терентьев. — Я здесь с третьего дня...

8 декабря он взял отпуск за свой счет и с первым самолетом московских добровольцев прибыл в Ленинакан. Он все привез с собой — даже минеральную воду. Флягу носил на поясе постоянно — не для себя.

Первое, что следует делать, когда под обломками находят живых. — дать попить. Специально обученные собаки появились в городе позже, да их и

не хватало на все завалы, под которыми могли оказаться живые. Андрей шел на голос. Или наугад, как только в нагромождении камней открывались темные ниши лазов. Обвязывался веревкой — и спускался вглубь. Автокраны и другая техника — все выключалось в этот миг. Люди наверху напряженно ждали. И слышали иногда радостное: «Есть!»

Но чаще Терентьев просто дергал за веревку: «Поднимайте!» И через минуту подавал из лаза мертвое тело. Он не мог уже сам сказать, сколько поднял живых, сколько мертвых. За него считали другие. А вот сколько раз обманывали его — помнит: шесть. Подходили плачущие женщины и мужчины. «Там сын мой!» Или: «Там брат!»

А когда Терентьев, часы потратив порой, чтобы проникнуть, проползти в расщелины и прорезки бывшей квартиры, не находил никого, начиналось: «Там в серванте кольца, деньги. Достань, родной, подай сюда». Но так и не научился Терентьев отличать, когда искренне плачут и когда притворно.

— Этот человек — большая буква! — сказал нам рабочий чулочной фабрики, у которого в летней пристройке на 2—3 часа каждый день смыкал глаза Андрей. Хозяин смирился с тем, что дом, который он строил 10 лет, невозможно восстановить.

— Что дом? — вздыхал он. — Жизнь треснула! Дом новый построим, а человеческие жизни как вернуть?!

Хозяин угощал нас чаем. За окном крупными хлопьями падал первый снег. Андрей задремывал, прислонившись к стене. У ног его, тесно прижавшись друг к другу, спали хозяйские кошка с собакой. А за хрупкой стеной пристройки, набирая силы, продолжалась жизнь. ■

Александр ТИХОМИРОВ

г. Ленинакан

На второй звуковой странице — документальные свидетельства тех, кто пережил дни землетрясения в Армении.

Мы — советский народ

Звучит голос Мусоргского — его музыка. Живет наша мысль о нем. Уже полтора столетия ведем и дорог людям этот раздражающий душу и врачующий ее глас Сына человеческого, проведшего среди людей всего 42 года, едва ли не день в день.

В первый весенний месяц 1839-го, числа девятого, как записано в метрике, или шестнадцатого, как полагал сам композитор, зазвучал его голос над Россией — в сельце Карево, на Псковщине, в скромном дворянском доме, на высоком лесистом косогоре, над озером, посреди неоглядных далей. «Миг вожделенный настал», — как сказано у Пушкина.

В русской музыке и в музыке вселенской младенцу по имени Модест Мусоргский суждено было стать явлением легендарным, гипнотически воздействующим на человеческие души и художественный процесс и в XIX, и в XX столетиях, и в необозримом будущем, ибо творения Мусоргского по силе внушения и исповедальному духовному строю, по художественной своей небывалости оказались для России и человечества чем-то большим, чем музыка, большим, чем искусство. Они оказались Правдой, Истиной. И сам композитор в сознании своего народа и в представлениях о его народе других людей, иных культур стал чем-то большим, чем великий художник. Он стал Человеком, доподлинно олицетворяющим русский народ как великую личность протекшей и будущей истории. Великую в страданиях. Великую в созидающей, животворящей доброте своей. Великую в жертвенности и сострадании чужому горю. Великую в своем национальном достоинстве, неиссякаемо глубинном таланте и стихийной поглощенности мировой скорбью и откровениями жизни по совести.

Потому и не грех нам через 150 лет, протекших с того дня, как родился Мусоргский, сгрудиться над воображаемой его колыбелью всем миром, подобно волхвам вокруг младенца Иисуса Христа.

«Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплавившись за это страданиями и гонениями». К мысли этой пришел священник и выдающийся русский философ отец Павел Флоренский в Соловках между 1933 и 1937 годами.

Жизнь Мусоргского, испепеленная огнем его безоглядно страстной души, развеваянная в отчаянном отстаивании своего, дотоле небывалого художественного выражения Человека в музыке, может послужить одним из горестных доводов в пользу столь могучего вывода о законах всеобщего существования.

Мусоргский, разумеющий народ «как великую личность, одуше-

вленную единой идеей», сам был такой одушевленной великой личностью нашей вечно живой истории. Для нас он олицетворяет судьбу народа и его непредсказуемую, устремленную в будущее гениальность. «Художник верит в будущее, потому что живет в нем». Эти вещи слова Мусоргского открывают нам великую душу творца, чье влияние на весь последующий мировой музыкальный процесс не ослабевает до сего дня, и уже потому до конца не может быть осознано.

Мусоргский умер вслед за Достоевским, в том же 1881 году, в Петербурге, в Николаевском военно-сухопутном госпитале, в отдельной палате, выхлопотанной для него любившими его друзьями. Любившими, но все-таки не понимавшими до конца ни его самого, ни его подлинного места в искусстве. Разве что Стасову — этому удивительному человеку, истинному художественному провидцу — фигура Мусоргского открывалась тогда во всей ее значимости для исторической жизни русской культуры.

«Сколько надо было еще от него ожидать, глядя на его могучий талант, на его могучую натуру! Но на него наложила чугунную, неумолимую руку та самая горькая судьба, которая тяготевает над всеми, почти без исключения, самыми большими талантами нашего отечества: почти никто из них не живет долго, сколько бы мог и должен бы жить, почти никто из них не свершает всего, к чему, по-видимому, был призван и для чего родился. Почти все скошены на полдороге... Мусоргский был один из тех немногих, которые ведут у нас свое дело к далеким и чудным, невиданным и несравненным «новым берегам»... Черты лица Мусоргского не погибли: их передал изумительно правдиво Репин, написавший портрет Мусоргского уже в больнице, на прошлой неделе. Этот великолепный портрет будет на днях выставлен на «передвижной выставке».

Более 100 лет отделяют нас от того скорбного дня — 16 марта 1881 года, когда кровью сердца писал Стасов этот свой некролог для петербургской газеты «Голос», опубликовавшей его 17 марта — на следующий день после смерти композитора.

Достоянием Третьяковской галереи стал в четыре сеанса написанный Репиным портрет Мусоргского. Как к символическому «Автопортрету» великого художника и человека, обращаемся мы к произведениям Мусоргского.

Слушая сегодня Мусоргского, разные его сочинения: и «Бориса Годунова», и «Хованщину», и написанные для фортепиано «Картины с выставки», и многочисленные романсы и песни, и вокальные ци-

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ

ГОЛОС МУСОРГСКОГО

К 150-летию
со дня
рождения
композитора

6

клы «Детская», «Без солнца», «Песни и пляски смерти», его симфоническую картину «Ночь на Лысой горе» или сцены из «Женитьбы» и «Сорочинской ярмарки», — мы словно рисуем в своем воображении, пытаемся «увидеть» самый облик композитора в его недостижимой реальности. Мы пытаемся воссоздать мир души творца, символически выраженный, «растворенный» в образах и обликах созданных его воображением героев.

Впитывая в себя музыку, сочиненную Мусоргским, мы пытаемся представить себе звучание ее в авторском сознании: фантастически реальную жизнь персонажей в авторском сознании! Исполнители музыки Мусоргского либо помогают нам в этом, либо нет.

Образы, рожденные гениальной фантазией Мусоргского, и реальные, и символические. Но они еще и завораживающе романтичны. Может быть, именно романтически экспрессивная стихия, столь глубоко сказавшаяся в музыкальной натуре Мусоргского, таит в себе разгадку пронзительно правдивой «жизненности» его образов. Сердцем своим они обращены ко всем страждущим и высоко чувствующим людям, готовым к нравственному подвигу, способным к нравственному очищению на долгом, тяжком пути осознания правды, пусть самой страшной правды.

Слушая исполненные красоты

И. Репин.
Портрет
Мусоргского.

и трагизма страницы «Бориса Годунова» и «Хованщины» или безудельный в своем величавом течении вокальный цикл «Песни и пляски смерти», мы не можем освободиться от ощущения, будто на наших глазах «проявляются» в звучании разные стороны одного характера, разные психологические состояния одной великой, мятущейся души. Перед нами рожденный глубинным и мощным потоком вдохновения лирический герой Мусоргского — Автор.

Это Автор устами Шакловитого из «Хованщины» поет о любви своей к многострадальной России, со всей страстью веруя в новое будущее родной земли (не забудем, что слова этой арии, как и весь текст «Хованщины», написаны самим Мусоргским).

Как авторский Подвиг, как символический акт внутреннего, творческого самосожжения, как выражение глубочайшей преданности высокой монахической идее воспринимаем мы заключительный монолог Досифея из «Хованщины». И как могучее проявление жизни человеческого духа в личности самого автора предстают перед нами воплощенные Мусоргским образы сокрушенного муками совести царя Бориса, простого и величественного в сознании своей правды монаха Пимена или Варлаама и Ивана Хованского — ярких, живых, подлинных во всей силе своего естества.

«От Автора» с повергающей в трепет искренностью и непосредственностью звучат шесть сцен одиночества, составивших цикл «Без солнца» на стихи Арсения Голенищева-Кутузова, как и другой вокальный цикл Мусоргского — «Детская» (слова самого композитора).

Клод Дебюсси, великий французский композитор XX столетия, писал в свое время о вокальном цикле «Детская»: «Никто не обращался к лучшему, что в нас есть, с большей нежностью и большей глубиной... При этом никогда не встает вопрос о какой-либо форме или, во всяком случае, форма эта до такой степени многообразна, что невозможно породнить ее с формами установленными, если можно так сказать, административными. Все спаяно и складывается из последовательности легких штрихов, соединенных таинственными узами и даром лучезарной творческой проницательности... Все эти маленькие драмы запечатлены — я на этом настаиваю — с предельной простотой. Мусоргскому достаточно аккорда, который показался бы бедным господину ... (я забыл его имя), или модуляции, до такой степени непосредственной, что она оказалась бы даже неизвестной... (все тому же). Нам предстоит еще вернуться к Мусоргскому, он имеет

неоспоримые права на наше поклонение».

...По свидетельству современника, на литературном вечере в память Федора Михайловича Достоевского 4 февраля 1881 года, «когда... вынесли перед публикой окаймленный трауром портрет усопшего писателя, Мусоргский сел за рояль и симпровизировал похоронный звон, вроде того, который раздается в последней сцене «Бориса». Это было предпоследнее публичное выступление Мусоргского, а музыкальная импровизация — его последним «прости» не только усопшему певцу «униженных и оскорбленных», но и всем живым».

Всем живым — это и нам с вами, читатель.

Всякое новое обращение к музыке Мусоргского каждого из нас чрезвычайно своевременно! Развитие музыки в XX столетии оттенило и помогло осознать вдохновенное новаторство композитора, его дивный дар проявить в музыке тончайшие черты природы человека и «человеческих масс».

Но в не меньшей степени весь ход современной жизни в искусстве подтверждает исключительную ценность и простую необходимость той близости «жизни и людям», о которой писал Мусоргский другу своему, поэту Арсеню Аркадьевичу Голенищеву-Кутузову 6 сентября 1875 года: «...близкие жизни и людям, но далекие трескучим тирадам о праве, свободе, протесте, глянем жизни смело в глаза. Это надо, потому что надо говорить людям правду, не трескучую, а настоящую правду... Художник не может убежать из внешнего мира, и даже в оттенках субъективного творчества отражаются впечатления внешнего мира. Только не лги — говори правду. Но эта простая штука тяжела на подъем. Художественная правда не терпит предвзятых форм; жизнь разнообразна и частенько капризна; заманчиво, но редко можно создать жизненное явление или тип в форме им присущей, не бывшей до того ни у кого из художников»...

Мусоргский создал своей музыкой такое «жизненное явление», то есть сотворил чудо — сотворил жизнь в искусстве. И эта сотворенная им жизнь несет его Голос в будущее — голос, возвещающий Рассвет на Москве-реке...

Андрей ЗОЛОТОВ

На шестой звуковой странице — М. Мусоргский. «На сон грядущий» из цикла «Детская». Исполняют Н. Дорлиак и С. Рихтер (фортепиано); «По-над Доном сад цветет», слова А. Кольцова. Исполняют А. Ведерников и композитор Г. Свиридов (фортепиано). Вступительное слово — Андрей Золотов.

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ

СЛУЖБА ДОБРЫХ СОВЕТОВ

Наша новая рубрика, судя по откликам, вызвала интерес читателей. Характерная черта обращений в «Службу добрых советов» — конкретность, открытость и желание авторов писем решить наиболее проблемные вопросы как можно быстрее. Сегодня на вопросы читателей отвечают аппаратчица гродненского объединения «Азот», депутат Верховного Совета СССР Л. И. КЛУНЕЙКО и учитель музыки из села Выселки Куйбышевской области, делегат Всесоюзного съезда работников народного образования А. В. ЗАРУБА.

Письмо первое: «Пишет вам мать одного ребенка. Рабочий день у меня с 8 часов до 17¹⁵. Домой прихожу в седьмом часу. Хочется вкусно приготовить, книжку ребенку почитать, посмотреть с ним диафильм, повязать и, конечно, уделить внимание мужу. Отдельной квартиры мы пока не имеем (комната 12 метров), но мы оптимисты и надеемся на лучшее. В последнее время много пишу о том, что для нас, женщин, да еще имеющих детей, надо сократить рабочий день. От этого зависит, какими вырастут наши дети, какими будут следующие поколения нашего общества. Хотелось бы знать, что в этом смысле делается?». И. В. Бебякина, г. Коряжма.

Л. И. КЛУНЕЙКО: В письме две острые проблемы — улучшение жилищных условий и создание такого режима нашей жизни, чтобы женщина-мать могла уделять больше внимания дому. Конечно, наиболее остро стоят вопросы жилья. Ситуации бывают так сложны, что даже депутату Верховного Совета СССР, не говоря уже о районных депутатах, разрешить их удается не всегда. Думаю, что новому составу депутатов Верховного Совета будет несколько легче довести эту работу до конца. В последнее время принят ряд постановлений ЦК КПСС и правительства, с тем чтобы скорее обеспечить современным жильем всех нуждающихся. Только вот контроль за выполнением хороших решений надо учиться сегодня налаживать и самим избирателям, и депутатам. В этом одна из важнейших особенностей и преимуществ новой избирательной системы.

Что же касается освобождения наших женщин от перегрузок на работе и дома, чтобы они могли больше времени отводить своим детям, то тут пока сделаны только первые шаги. На каждом предприятии, в каждом хозяйстве надо искать возможности для сокращения рабочего дня женщин, создавать условия для облегчения их труда.

Письмо второе: «Что конкретно сейчас делается для того, чтобы в школу пришла гласность, демократия, одним словом — перестройка? И когда, наконец, среди наших учителей появится больше по-настоящему образованных, заинтересованных энтузиастов своего дела? И самое главное: когда мы все начнем думать о духовном развитии подрастающего поколения? Что думают на этот счет специалисты?». С. Преображенская, г. Москва.

А. В. ЗАРУБА: Мне представляется, что фундаментом гуманизации школы, ее перестройки должно служить искусство. Это важнейшее средство формирования личности. О какой культуре ребенка можно говорить, если сам учитель не любит и не умеет петь, танцевать, рисовать! Да и на местах еще на учителей музыки и рисования часто смотрят как на педагогов второго сорта. Приезжает в село такой учитель, а ему даже жить негде. До песен и музыки разве тут. Думаю, сегодня крайне необходимо пересмотреть всю систему подготовки педагогических кадров в институтах. Эти проблемы можно решить, если у школы появится серьезная финансовая поддержка. У меня есть совершенно конкретные предложения. Объявить Всесоюзный педагогический заем у населения. Убежден, люди поймут, во что они вкладывают деньги. Это благородное дело поддержат и творческие союзы, а также Фонд культуры, Детский фонд и другие общественные организации. Думаю, много пути пока нет.

Ответы на письма подготовила
Марина Наталич

«Острые сатирические рассказы и повести сибирского писателя Николая Самохина известны читателям давно. А вот лирико-философские произведения, выражающие нравственный идеал, появились у него лишь в последние годы. Оба эти направления, мне кажется, являются двумя сторонами нравственной и гражданской позиции автора. Хотелось бы узнать о ней от него самого».

И. Егорова, г. Москва

Во все времена были люди довольные собой да еще и женой своей. Помните, у Маяковского: «Нравимся своей жене и то довольны донельзя». Но всегда были и такие, в ком гражданская совесть не дремала. Наше время не исключение. Одни в основном только говорят о перестройке, а сами для нее палец о палец не ударят. Другие же — и таких, слава богу, во много раз больше — не на словах, а на деле двигают перестройку. Когда же речь заходит о ее плодах, результатах, то обычно все сводят к экономике. А о духовной стороне мы как-то печемся меньше, как будто

НЕ БУДЕМ ЖДАТЬ ЛАНЦЕЛОТА

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

жив человек только пирогами да пышками. Опыт последних трех лет убедил, что дело перестройки идет успешнее, когда человек внутренне соответствует поставленным целям. Как тут не повторить знаменитую поэтическую строку: «душа обязана трудиться». Вот бы каждому из нас держаться этого зова, и дела бы наши, смотришь, шли бы куда как плодотворнее.

Не так давно в «Советском писателе» вышел сборник моих сатирических рассказов «Прощание с весельем». Готовя их к печати, я, посчитав, что это нескромно, не поставил под каждым из них дату написания. А теперь хоть лови читателей и доказывай: «Братцы, этот рассказ написан не сейчас. Это не теперь, когда дозволено, я стал таким смелым. Это же десять лет назад написано». И все же не могу (душа не позволяет) сказать, что это кому-то другому надо перестраиваться, а мне-то зачем, когда я аж вон когда был несказанно отважным и правдивым. И не боялся набивать шишки.

Нет, я далек от такого самообольщения. Только вот с какого бока начинать? Видимо, каждому надо нащупывать свои пути, приводить в оправдание свои резоны и ломать, гнуть в своей душе инерцию мышления, власть стереотипов, давать простор здоровым внутренним силам и заставлять душу работать, работать, не утешая себя иллюзией, что ты уже перестроился и вполне соответствуешь духу и потребностям времени. Как тут не вспомнить старую истину, высказанную человеком, всю жизнь перестраивавшимся, — великим русским писателем Антоном Павловичем Чеховым: «Надо по капле выдавливать из себя раба».

Вспоминаю такой случай. Как-то в Москве проходило совещание молодых российских писателей-сатириков. Вместе с Яном Полищуком я был приглашен руководить семинаром. Мы читали юмористические и сатирические рассказы молодых авторов. И я позволил себе упрекнуть их: «Ребята, ну

и остроумные же вы все, прямо спасу нет. Талантливые. Но отчего же все-таки ударяетесь вы только в зубоскальство? Зачем только тратите свой дар? Малый жанр не подразумевает малых и поверхностных проблем и явлений». Тогда встал некто замшево-бородатый и спросил: «А кто позволит?» Понимаете? Он взял в руки ювеналов бич и спрашивает: «А кто позволит?»

Вот таким, как он, выдавливать да выдавливать из себя раба. А ведь таких людей немало не только в литературе, но и всюду, куда ни брось взгляд. Думаю, что мы и понине от раба в себе еще не избавились. Но мне, признаться, хотелось бы назвать его шварцевским словом «дракон».

Многие из читателей, конечно, видели мудрый и честный фильм режиссера Марка Захарова «Убить дракона», поставленный по пьесе Евгения Шварца. Не видели — посмотрите, ибо эта картина каждому из нас прибавляет энергии в нынешней нелегкой борьбе за перестройку. Всем своим художественным строем она взывает: убей дракона в себе, в своей душе, долго находившейся под угнетающим прессом драконовского времени. Да, дракона, властвовавшего тридцать лет, больше нет. Меняется время, вся атмосфера нашей жизни пронизана очистительным озоном перестройки. Все так. Но взгляни вовнутрь себя: ты-то сам изменился ли? Прислушайся к словам героя фильма Ланцелота о том, что Дракон убит, но теперь предстоит убить его в сердце каждого из освобожденных граждан.

Кое-кто самонадеянно полагает, что в его душе от такого дракона не осталось и следа. Не думаю, не уверен. Даже человек, чья гражданская совесть не дремлет, обязан убивать дракона в себе постоянно. И тут я связываю свои надежды с молодыми. У них еще не сложились стереотипы застойных лет, они раскованны и свободны в своих суждениях и выборе. И все же одного этого — мало.

Меня беспокоит, что у некоторых юношей и девушек их жизненный поиск, жажда проявить себя, приложить к чему-нибудь свои нерастроченные силы окрашены бездуховностью. Это — опасный путь. Уверен, что нравственная инфантильность, незрелость иных молодых людей, если всем нам не спохватиться вовремя, может завести еще в один, не менее опасный социальный тупик. Помните, дракон не дремлет!

Как писатель-сатирик, я стараюсь в своих произведениях показать, как много в жизни пустой суеты, мелких чувств, желаний, поступков — «призрачности», как сказал бы Белинский. И даже в самых смешных рассказах стараюсь оставаться по существу серьезным. Стандартизация мышления, потребительство, утрата культуры общения, хамство, привычка работать спустя рукава, возведение в жизненное кредо правила «моя хата с краю» — вот мои мишени. Я зову всех нас бить по этим мишеням что есть силы.

Думаю, что молодым надо учиться осмысливать и свой опыт, и опыт нелегкой сегодняшней действительности. И трудиться с полным сознанием того, что каждый из нас в ответе за перестройку. Помните, что отступили перед трудностями, поленились одернуть хама, остановить хулигана, побоишься вывести на чистую воду взяточника, хапугу — значит, упустишь свой шанс сделать необратимой перестройку. Мы все за нее в ответе. И не надо ждать благородного Ланцелота, способного за нас расправиться с драконами, еще существующими в разных обличьях, разрешить все проблемы. Простых истин, которых надо держаться, много. И одна из них: что посеешь, то и пожнешь. Она, эта истина, вроде бы и не ахти какая оригинальная, но из разряда тех, которые потому и вечны, что каждому поколению приходится постигать их заново. ■

Николай САМОХИН
г. Новосибирск

4

Когда готовился к печати этот номер журнала, пришла печальная весть о смерти Николая Яковлевича Самохина. Читатели сохраняют в памяти образ этого талантливого, добросердечного человека, душа которого была открыта для дружбы, для откровенной беседы. На четвертой звуковой странице — последняя запись разговора Николая Самохина с нашими читателями.

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

*Наотмашь бьет бессильный дождь,
И бисером пронизан хвощ,
И перезрелая малина,
Едва дыша, склонилась длинно.*

Не правда ли, от этих строк будто исходит запах земли, волнующий, сырой, духмяный? Таковы стихи Татьяны Смертиной. Они пронизаны глубокой и чистой любовью к родному краю, написаны добрым русским словом, которым до сих пор говорят в вятских селах. Как достоинство Т. Смертиной критики нередко отмечают естественность и простоту ее стиля. Но ведь это норма! Ее стихи действительно удивляли своей искренностью не только начитанную публику, но и того широкого читателя, которого во многом отучили слышать красоту слова, правильно воспринимать искусство.

ОТСЮДА ВСЕ ДОРОГИ

«Сижу я с односельчанином на берегу Вятки, жду перевоза», — вспоминает Татьяна Ивановна. — Вдруг он вздохнул: «Прочитал в журнале (из-за тебя и читаю!) чьи-то стихи... У-у-у! Куда тебе до них! До чего вывертны и умны — ничего не понял! Вот это — стихи, а ты че...»

Да и читателя ли это вина, что понятие «поэзия» стало ассоциироваться с затейливым кружевом, хитросплетением заумных слов, символическим или ура-патриотическим содержанием? Порой сами слова перестали выражать в них заложенный изначальный смысл, превратившись в некие обобщенные условные знаки. Так случилось со словом «родина», суть которого от многократного повторения выхолащивалась. Его произносили, как правило, в самом широком своем значении. В кинофильме «Гараж» есть характерный эпизод, когда один из персонажей говорит: «Я за гараж родину продал», — чем приводит в ужас собравшихся. Люди запомнили, что родина — это и дом, и колодец, и буренка-кормилица, и знакомая тропинка к роднику. И в современной поэзии найдется не так уж много поэтов, которые остались верны этой «малой» родине.

Родной уголок — село Сорвижи — источник вдохновения Татьяны Смертиной.

*Сорвижи...
Церковь на холме
Молчит в изгибах строгих,
И кроются в еловой тьме
Отсюда все дороги.*

Видеть большую Родину через «малую» вполне естественно и объяснимо для каждого. Именно свою родину имеет поэтесса в виду, когда пишет о русских селениях: «Хоть безвестны они, что песчинки с полей, но Россия без них — словно ствол без корней».

Последние годы вновь обретает свой глубинный смысл мудрое слово

«крестьянин». У Татьяны Смертиной крестьянским духом пронизаны все стихи. А ведь написаны они, когда это слово стремились связать с чем-то патриархально-отсталым, чуть ли не феодальным.

Будем откровенны. Чтобы писать о жизни сегодняшней деревни правду, нужно проявить не только талант, но и мужество. Вот так, как в лирическом отступлении в поэме-сказании «Венец из ярых пчел»: «Грабежи ноне есть! Воровство ноне есть! А воров ноне нету!» — «Или вот грабж иной — фермы строили сколь лет! Денег сплыло — ой-ей-ей! Все полопалось зимой, а виновных — вроде нет. Планировка, вишь, для юга! А у нас крутой мороз...»

Да, до безоблачного счастья вовсе не так близко, как пытались нас уверить не так давно. Оттого-то и проры-

Тем, кто хочет подробнее познакомиться с творчеством Т. Смертиной, советуем прочитать: «Село Сорвижи», «Молодая гвардия», 1982 г.; «Брусничный огонь», «Молодая гвардия», 1987 г.; «Марья — зажги снега», «Московский рабочий», 1987 г.; «Венец из ярых пчел», «Современник», 1986 г.

ваются грустные нотки в стихах Смертиной. Так, рассказ об искусном вятском богомазе заставляет автора зайти в церковь, где сегодня находится гараж, на стене которого едва просвечивает единственный глаз богоматери...

С болью видит художник, как рвутся корни, связующие нас с землей, с историей. Сама поэтесса всегда ощущала эту связь. «Меня воспитывала даже не бабушка, а прабабушка, Груздева Мария, — рассказывает Татьяна Ивановна. — Она дожила до ста лет. И тут получился как бы сдвиг времен, я соприкоснулась с прошлым веком. Это оказало на меня сильное влияние и осталось во мне на всю жизнь. Потом я была около бабушки, Александры Федоровны Кислицыной, вместе с ней занималась сельским трудом. Ей я посвятила книгу «Марья — зажги снега», своеобразный месяцеслов, народный календарь».

В книге «Марья — зажги снега», за которую Т. Смертина удостоена звания лауреата премии Ленинского комсомола, предстает лирический дневник постижения красоты родной земли и живущих на ней людей.

Жаль, что писатели, сохранившие приверженность к устному народному творчеству, стали у нас так же редки, как мастера Палеха или Мстеры. Татьяна Смертина — из их рода. Ее не отнесешь к тем, кого называют «соловьями перестройки». Она продолжает писать так, как и прежде, правдиво и естественно, не порывая связи с народными корнями, ее возрастившими. ■

Н. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

На пятой звуковой странице Т. Смертина читает стихи «Та ли это родина», «Лосиха», «Забуду, забуду!», «За кордоном».

5

ПЛАСТИНКА ПОЭТА

Александр Вертинский оставил большое наследие. За годы зарубежья им написано более ста двадцати песен. Мы же на сегодняшний день имеем лишь три больших диска и две гибкие грампластинки с записями около пятидесяти песен. Еще в 1932 году в Шанхае выпла книга стихов А. Вертинского. Через тридцать лет его стихи были изданы в Вашингтоне. У нас подобного издания нет. Как и нет нот А. Вертинского, который сочинял музыку не только на собственные, но и на стихи

Может быть, грешно говорить такое, но если бы Александр Вертинский не покинул после гражданской войны Россию, вряд ли бы в наши дни мы знали и помнили это имя. Вряд ли. Ибо невозможно представить, чтобы его уникальное лирическое дарование нашло себе место в громах маршей первых сталинских пятилеток.

Долгое время нам настойчиво вбивали в головы, что, съехав с родной земли и попав на чужбину, всякий талант вянет, скудеет и в конце концов превращается в ничто. Сегодня нам хорошо известно, что это не так. С Вертинским, во всяком случае, было не так. В скитаниях по «чужим навсегда» странам и городам он, как никто другой, сумел выразить святое и горькое «чувство русской тоски» по оставленной Родине, «русскую грусть» изгнанника, который сознает не только свое несчастье, но и свою вину и хоть знает, что мечта вернуться домой более чем призрачна и зыбка, все же тешит себя надеждой, что его «пусть злая», но ведь как бы там ни было — Мать —

*И простит и пожалеет
И о вас и обо мне...*

Кочуя вдоль на замок закрытых границ своей Родины, Вертинский обратил к ней много зывающих к милосердию горестных и прекрасных строк. Но вот ведь как получилось: сам он оказался больше всех этих строк, вместе взятых, больше всего того, что им было написано. Потому что, говоря за себя, — хотел он того или нет, — он сказал и за тысячи тысяч таких же, как сам, «нищих и блудных» детей России, открыл перед ее недоверчивым ликом истерзанную ностальгией и покаянием душу той части русской эмиграции, что готова была принять самую жестокую участь, лишь бы... «взглянуть на родную страну».

Вертинский стал зеркалом этой души. Одним из самых значительных «вкладчиков» в художественную энциклопедию духовной жизни русского зарубежья.

Страдания и боль эмиграции, отраженные в слове, наградили Александра Вертинского судьбой...

Уже через несколько лет после отъезда он стал «стучаться к Родине обратно». В белоэмигрант-

ских кругах его называли изменником, кричали, что он «продался красным», что он «большевистский наемник», бойкотировали и пытались срывать его выступления. Но куда бы ни бросала его кочевая распутица — в Турцию или Румынию, Польшу или Германию, Францию или Палестину, США или Китай, — он везде, пренебрегая густевшей над его головой опасностью, продолжал петь свои новые песни, или, как сам он их называл, иные песни и не переставал рваться, рваться домой.

В 1943 году, вслед за письмом, которое Вертинский отправил на имя наркоминдела СССР В. М. Молотова, разрешение на обратный въезд было, наконец, получено. Вот это письмо:

«...Двадцать лет я живу без Родины. Эмиграция — большое и тяжкое наказание. Но всякому наказанию есть предел. Даже бессрочную каторгу иногда сокращают за скромное поведение и раскаяние. Под конец эта каторга становится невыносимой. Жить вдали от Родины теперь, когда она обливается кровью, и быть бес-

встречах в эмиграции. Книга почти готова. ТАСС хочет ее издать. У меня жена и мать жены. Я не могу их бросить здесь и поэтому прошу за всех троих.

...Вот и все. Разбивать семью было бы очень тяжело.

Пустите нас домой.

Я еще буду полезен Родине. Помогите мне, Вячеслав Михайлович. Я пишу Вам из Китая. Мой адрес знают в посольстве в Токио и в консульстве в Шанхае.

Заранее глубоко благодарю Вас.

Надеюсь на Ваш ответ.

**Александр Вертинский
Шанхай, 7 марта 1943 г.»**

О жизни Вертинского после возвращения на Родину пишут у нас в самых радужных, мажорных тонах. Пишут, что для него это была «самая счастливая полоса», что он обрел, наконец, «счастье устойчивой и ясной жизни», что, обновив свой репертуар, сочинял песни, «полные искренней радости». И прочее в этом духе.

И в самом деле: внешне все выглядело именно так. Вопреки распространяемому в 40—50-е годы зарубежной печатью слухам, по

МЫ-ПТИЦЫ РУССКИЕ

сильным ей помочь — самое ужасное.

Советские патриоты жертвуют свой упорный, сверхчеловеческий труд, свои жизни и свои последние сбережения.

Я же прошу Вас, Вячеслав Михайлович, позволить мне пожертвовать свои силы, которых у меня еще достаточно, и, если нужно, свою жизнь — моей Родине.

Я артист. Мне 50 с лишним лет, я еще вполне владею всеми своими данными, и мое творчество еще может дать много. Раньше меня обвиняли в упаднических настроениях моих песен, но я всегда был только зеркалом и микрофоном своей эпохи. И если мои песни и были таковы, то в этом вина не моя, а предреволюционной эпохи затишья, разложения и упадка. Давно уже мои песни стали иными.

Теперьшее героическое время вдохновляет меня на новые, более сильные песни. В этом отношении я уже кое-что сделал, и эти новые песни, как говорят об этом здешние советские люди, уже звучат иначе.

Разрешите мне вернуться домой. Я — советский гражданин. Я работаю, кроме своей профессии, в советской газете Шанхая «Новая жизнь» — пишу мемуары о своих

которым Вертинский то был расстрелян у первого же пограничного столба, то замучен в подвалах НКВД, то умер голодной смертью, торгуя газетами у стен Моссовета, он жил себе в самом центре столицы (кстати, недалеко от вышеуказанных стен), в хорошей квартире, в любви и согласии с красавицей-женой, родившей ему двух «доченек», получил за участие в фильме «Заговор обреченных» Сталинскую премию, снялся еще в пяти кинокартинах, но главное — колесил и колесил по стране, делая в год 100—150 концертов, и всюду аншлаги и восторг благодарной публики!

Птица, «что устала петь в чужом краю», без усталости с великой радостью пела свои песни для нас, — «родные сероглазые братья драгоценные мои». и небо над этой вернувшейся в отчие края птицей было высокое и прозрачное, как «голубое стекло»...

Такая вот акварельная картинка.

Но так ли уж безоблачно и легко прожил свои последние годы Вертинский? В семейном архиве хра-

нится датированное 1950 годом стихотворение «Отчизна». Там есть слова:

...Бреду, слепой от вьюги,
Дрожу в просторах

Родины моей,
Еще пытаюсь в творческой
потуге

Уже не жечь,
а греть сердца людей.

Но заметают звонкие метели
Мои следы, ведущие в мечту,
И гибнут песни,

не достигнув цели,
Как птицы, замерзая на лету.
Россия, Родина, страна родная!
Ужели мне навеки суждено
В твоих снегах брести.

изнемогая,
Бросая в снег
ненужное зерно?..

Ну как? Что-то не очень вяжутся эти скорбные строки со «счастьем устойчивой и ясной жизни», в котором будто бы, возвратившись домой, поэт пребывал с первого и до последнего дня. Нет, определенно не вяжутся. И дабы не возникло сомнение, что «Отчизна» —

В КОЛЛЕКЦИЮ
РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

плод случайно вылившегося на бумагу минутного настроения (а ведь так бывает), приведем еще один документ: написанное Вертинским в 1956 году (за год до смерти) письмо тогдашнему заместителю министра культуры СССР С. В. Кафтамову.

«...Лет через 30—40, я уверен в этом, когда меня и мое «творчество» вытащат из «подвалов забвения» и начнут во мне копать, как копаются сейчас в творчестве таких дилетантов русского романа, как Гурилев, Варламов и Данауров, это письмо, если оно сохранится, будет иметь «значение» и, быть может, позабавит радиослушателей какого-нибудь тысяча девятьсот... затертого года!

Почему я пишу его? Почему обращаюсь к Вам? Не знаю. К Вам оно меньше всего надлежит, если говорить официально.

Но... я не вижу никого, к кому бы я мог обратиться с моими «вопросами», и не верю в человечность, внимательность, чуткость ни одного из ваших «больших» людей, потому что они слишком заняты другими, более важными государственными делами и их секретари никогда не положат

на их стол мое письмо и вообще не допустят меня до них...

Где-то там... наверху, все еще делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране. Обо мне не пишут и не говорят ни слова, как будто меня нет в стране. Газетчики и журналисты говорят: «Нет сигнала». Вероятно, его и не будет.

А между тем я есть! И очень «есть»! Меня любит народ! (Простите мне эту смелость.) 13 лет на меня нельзя достать билета!

Я уже по 4-му и 5-му разу объехал нашу страну. Я пел везде — и на Сахалине, и в Средней Азии, и в Заполярье, и в Сибири, и на Урале, и в Донбассе, не говоря уже о центрах. Я заканчиваю уже третью тысячу концертов. В рудниках, на шахтах, где из-под земли вылезают черные, пропитанные углем люди, ко мне приходят за кулисы совсем простые рабочие, жмут мне руку и говорят: «Спасибо, что Вы приехали! Мы отдохнули сегодня на Вашем концерте. Вы открыли нам форточку в какой-то иной мир — мир романтики, поэзии, мир, может быть, снов и иллюзий, но это мир, в который стремится душа каждого человека! И которого у нас нет (пока)».

Все это дает мне право думать, что мое творчество, пусть даже и не очень «советское», нужно кому-то и, может быть, необходимо. А мне уже 68-й год! Я на закате. Выражаясь языком музыкантов, я иду на «кodu». Сколько мне осталось жить? Не знаю, может быть, три-четыре года, может быть, меньше. Не пора ли уже признать? Не пора ли уже посчитаться с той огромной любовью народа ко мне, которая, собственно, и держит меня, как поплавок, на поверхности и не дает утонуть?

Все это мучает меня. Я не тщеславен. У меня мировое имя, и мне к нему никто и ничего прибавить не может.

Но я русский человек! И советский человек. И я хочу одного — стать советским актером. Для этого я и вернулся на Родину. Ясно, не правда ли? Вот я и хочу задать Вам ряд вопросов:

1. Почему я не пою по радио? Разве Ив Монтан, языка которого никто не понимает, ближе и нужнее, чем я?

2. Почему нет моих пластинок? Разве песни, скажем, Бернеса, Утесова выше моих по содержанию и качеству?

3. Почему нет моих нот, моих стихов?

4. Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты? Сигнала нет? Я получаю тысячи писем, где меня спрашивают обо всем этом. Я молчу.

Вот почему исполняется 40 лет моей театральной деятельности. И никто этого не знает. Верьте мне — мне не

нужно ничего. Я уже ко всему остыл и глубоко равнодушен.

Но странно и неприятно знать, что за границей обо мне пишут, знают и помнят больше, чем на моей Родине! До сих пор за границей моих пластинок выпускают около миллиона в год, а здесь из-под полы все еще продают меня на базарах «по блату» вместе с вульгарным кабацким певцом Лещенко.

Мне горько все это. Я, собственно, ничего у Вас не прошу. Я просто рассказываю Вам об этом. Потому что Вы — человек! Потому что Вы интересуетесь искусством и любите, по-видимому, его...

Как стыдно ходить и просить, и напоминать о себе... А годы идут. Сейчас я еще мастер. Я еще могу! Но скоро я брошу все и уйду из театральной жизни... и будет поздно. И у меня останется горький осадок. Меня любил народ, и не заметили его правители.

Примите мой привет и мое глубокое доверие к Вам как к настоящему советскому человеку и прошу помнить, что это письмо Вас ни к чему не обязывает.

Ваш Александр Вертинский».

Это письмо не просто, как говорится, крик души. Это поступок высокого мужества, на который в ту пору мало кто бы решился. Вертинский ведь хорошо понимал, что его пустили домой не из одних соображений гуманности. Что это был чисто политический акт, имевший целью замазать глаза зарубежной публике: смотрите, какие мы хорошие!

Он прекрасно знал цену своему искусству. И в то же время отчетливо сознавал непрочность, уязвимость своего положения под стражей той самой доброты. Он долго молчал. Но... «Мы — птицы русские. Мы петь не можем в клетке». Рискую быть сломанным, он попытался эту клетку сломать.

...А ведь она и до сих пор стоит, держится. Практически все вопросы, которые Вертинский поставил в письме, так и остались вопросами.

Все еще ждем «сигнала»? ■

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ

На седьмой звуковой странице вы услышите песни А. Н. Вертинского «Бал господин» и «Желтый ангел» в исполнении автора. Открывает страницу жена певца Л. В. Вертинская.

А. Анненского, А. Блока, А. Ахматовой, С. Есенина, В. Рождественского и других поэтов. Не нашелся пока издатель, который посчитал бы за честь выпустить монографию об Александре Вертинском, являвшемся не только поэтом, композитором и артистом, оставившим заметный след в отечественном искусстве, но и человеком, посвятившим свою полную невзгод и творческих исканий жизнь Родине, ее «русскому солнцу и свету».

Фото из архива Л. В. ВЕРТИНСКОЙ

КРИК О ПОМОЩИ ИЗ ПЛАМЕНИ

3

«...У входа в дом стояло ведро с бензином. Она облила себя, спичка... пламя... истошный крик...

Врачи спасли. Через два с половиной месяца Гюльсары вышла на работу. Но что ждало ее дома?»

Слушайте третью звуковую страницу.

ТРАГЕДИИ XX ВЕКА

В суровый наш век, когда мало кого удивишь чужим горем, эта трагедия стоит особо...

Наскоро расцеловав мокрые щеки детей, еще ничего не понимающих, но уже встревоженных, уже молящих мать не совершать что-то неведомо страшное, молодая женщина обливает себя горячей жидкостью, вспыхивает спичка — и вот уже живой, волящий от боли факел мечется по улице родного кишлака.

Есть и статистика этой беды. Она насчитывает уже не одну сотню трагедий «живых факелов». И счет им не остановлен. Может, в эти мгновения, пока вы читаете эти строки, разыгрывается где-то еще одна страшная история.

Убежден — даже в самые последние мгновения невиданных страданий бедное, истерзанное сердце думает не только о себе. Фантастическая дикость расправы над самой собой имеет все же цель. Остановить, предупредить, заставить содрогнуться холодные сердца. Содрогнуться и уже забиться в ином, человеческом ритме. Так гасят встречным взрывом незатухающий пожар.

И страшный этот поступок обращен всей горечью своею не только к жестокому мужу, не к злой золовке или свекрови, а ко всем нам, к нашей слепой совести.

Полноте, такая ли уж она у нас была слепая, и так ли уж долгие годы мы ни о чем не догадывались, не ведали...

Помню, с какой целомудренной нежностью рассказывал о своей жене Аният мой армейский друг — ефрейтор Байрам Байрамов. В эти минуты темное, покрытое вечным загаром лицо его светлело, голос звенел, а когда не хватало слов, брался Байрам за струны своей неразлучной домбры. И внимая гортанным и нежным звукам песни, каждый из нас, солдат, с легкой завистью думал: «Вот это — любовь!»

А потом я узнал, что Байрамов свою жену купил. «Как купил?» — «Калым платил, конечно!» — объяснял он с чуть виноватой и снисходительной улыбкой. И объяснил мне мой друг всю «мудрость» калыма. Женщина, жена приходит в новый дом как работница. Одна семья теряет, а другая получает ловкие и покорные рабочие руки. А они — особенно на хлопке — ой как нужны!

— А ты бы сам пошел на хлопок!
— Мне нельзя, — сказал он убежденно. — Я мужчина.

Ничего не сказал я тогда своему другу. Даже не поспорил с ним,

просто промолчал. Как промолчал уже через много лет, когда в гостях в одной почтенной семье республиканского академика женщины до начала обеда, расставив дымящиеся пиалы, покорно и привычно удалились с глаз, не смея мешать мужской беседе.

«Не обращайтесь внимания, — миролюбиво успокаивал меня мой старший товарищ. — Таковы здешние традиции. И не нам их нарушать!»

Вот и не нарушали мы эти «традиции» долгие, долгие годы, забывая, что рождали они полную безнаказанность мужчины и полную незащищенность женщины в семье. А отсюда — уже всего один шаг до трагедии.

И дело тут не только в «феодально-байских пережитках», о полном искоренении которых мы так усердно и радостно трубили. Ни в какой не в Азии, а в самом центре Европы знаменитый философ изрек: «Мужчина рожден быть воином, а женщина — для отдыха воина. Все остальное — безумие».

Вот такое мнение просвещенного европейца. Только недаром философ этот считается одним из крепких отцов фашизма. А мы, исповедуя слова другого великого мыслителя, сказавшего, что степень свободы общества определяется степенью свободы в нем женщины, не слишком ли многое порой взваливаем на хрупкие ее плечи, не слишком ли жестко пользуемся ее прекрасными качествами — преданностью, самоотверженностью, стремлением во что бы то ни стало сохранить семейный очаг, умением пренебрегать во имя этого любыми тяжелыми лишениями. Разве все мы не в ответе за это?

«Тяжелый труд, душевная и физическая истощенность, — пишет туркменский писатель Атаджан Таган. — все это приводит к страшной трагедии — случаям самоожжения туркменских девушек...» Но разве только в Туркмении? И разве дело только в мгновенной физической гибели в пылающем самозабвении протеста?

Все, все мы в ответе за живые костры в Бухаре, Ташаузе, Самарканде, далеком кишлаке Арабхон... Мы в ответе перед той Марьей Ивановной, что начала пить, чтобы поменьше доставалось мужу, и сгорела в алкогольном чаду, мы в долгу за наше пятидесятое место в мире по детской смертности, за порой совсем не женский изнурительный труд, за то, что являемся (лингвисты не дадут соврать) одной из редких стран, где есть сквернословие, оскорбляющее женщину...

А долги надо платить. Это тоже дело нашей духовной перестройки.

Виген ГАСПАРЯН

Актовый зал Историко-архивного института переполнен. Под торжественные звуки старинного гимна «Gaudeamus igitur» в зал в красочных костюмах входят «свидетели» эпохи XVI века. «Встать, суд идет!» — звучит громовой голос церемониймейстера. И начинается увлекательная, но очень серьезная игра, в которой на чашу весов ложатся судьбы выдающихся деятелей ушедших времен.

А судьи кто? Студенты! Прошло десять лет с того времени, когда кружок истории древности и средневековья (КИДИС) впервые организовал в институте сценический «процесс» над знаменитым археологом-самоучкой XIX века Генрихом Шлиманом.

В основу нашего замысла «судов истории» была положена простая мысль о том, что время фактически постоянно вершит суд над людьми и их поступками. Прошлое в большей или меньшей мере всегда с нами. Мера эта определяется отнюдь не степенью отдаленности тех или иных событий. Острота диалога с прошлым в каждый конкретный момент зависит от созвучности проблем минутных задачам сегодняшнего дня.

Существуют так называемые вечные вопросы, на которые каждое общество и каждый отдельный человек обязаны дать свой ответ.

За десять лет перед нашими «судами истории» предстали великий завоеватель Александр Македонский, оратор и политический деятель Древнего Рима Марк Туллий Цицерон, основатель Римской империи Октавиан Август, император, пришедший к власти на излете Великой Французской революции Наполеон Бонапарт, человек тонкого, изощренного ума, крайне противоречивый мыслитель Никколо Макиавелли, обличитель пороков католической церкви Джироламо Савонарола, вождь и палач английской революции XVI века Оливер Кромвель.

Но личности — это внешняя сторона наших театрализованных процессов. Главное — студенты, тщательно готовясь, докапывались до всех тонкостей таких проблем, как нравственные критерии в политике, значение и последствия завоеваний, верность и измена революционным идеалам.

Последним был суд над Вильгельмом Оранским. Почти шесть часов молодые люди конца XX века спорили, негодовали и соперничали, полные искреннего сочувствия к маленькому свободолюбивому народу, который восстал против могущественной испанской монархии. И, как всегда, разговор шел не только о прошлом, но и о том, что волнует сегодня: народ и вождь в революции; идеалы свободы и внутренняя закрепощенность людей, добровольно отдающих плоды победы своему миру; высокие цели борьбы за национальную независимость и нравственная цена применяемых средств.

Мы надеемся проводить подобные «суды» и дальше. Весной состоится беспрецедентный для нас процесс. Перед «судом истории» предстанут сразу две политические фигуры.

И что любопытно — такого еще не было — две женщины — Елизавета I Тюдор и Мария Стюарт. Хотим назвать его «процессом двух королевок». Нам кажется, что, поставив перед лицом наших «судей» Елизавету и Марию, мы сможем поднять очень важный и острый сегодня вопрос: как влияют индивидуальные особенности личности государственного деятеля на характер его политических деяний.

Когда на страницы журналов, газет хлынула новая информация о прошлом нашей страны и впервые стали проясняться многие исторические личности, мы увидели, что это были люди, чья деятельность существенно определяла и их индивидуальность: характер, страсти, чувства, особенности натуры. Бухарин, Рыков, Сталин раскрываются совсем по-другому, нежели раньше. Сегодня мы особенно чувствуем, какой огромный отпечаток индивидуальные черты крупной личности оказывают на развитие исторического процесса.

Уважаемые читатели «Кругозора», вы можете принять самое непосредственное участие в суде над двумя королевами. Историко-архивный институт с удовольствием откроет свои двери для тех, кто захочет к нам прийти, а тем, кто живет не в Москве, предлагаем прислать письма с аргументами обвинения или защиты. Предлагаем вам темы для размышлений:

● Историческая правота Елизаветы I, отстаивавшей принципы абсолютизма в экономическом и политическом развитии Англии, ее жестокость, проявившаяся во взаимоотношениях с Марией Стюарт...

● Трагическая судьба Марии Стюарт, вызывающая сочувствие к ней как человеку, и возможные осложнения в отношениях Англии и Шотландии в случае, если бы она победила.

● Как разрешить эти противоречия? Во имя исторического прогресса забыть о судьбе отдельной личности или всегда помнить о ней?

Наиболее интересные мнения будут зачитываться на предстоящем «процессе двух королевок», а также публиковаться на страницах «Кругозора». Письма присылайте на адрес редакции. Кстати, дать более полные и интересные ответы, поставить острые проблемы поможет вам чтение романа С. Цвейга «Мария Стюарт» и драмы Ф. Шиллера с таким же названием. Да и вообще, готовясь к участию в «процессе», постарайтесь выйти за рамки школьного учебника, поинтересуйтесь, что же говорили на этот счет писатели, историки, видные политические деятели.

Н. БАСОВСКАЯ,
доктор исторических наук,
проректор Историко-архивного института

На фото А. КОМОВА — фрагмент театрализованного «Суда истории». Рисунок М. ЗАРЕЦКОГО

А В СУДЬИ КТО?

Молодой человек, встречающий нас у входа, весь взмок. Впрочем, мы тоже. Как и во всех московских учреждениях, во Дворце бракосочетаний слишком сильно топят. Мы оба в водолазках, ты — в голубой, я — в бежевой. Мы уже сняли пальто, шарфы, шапки, еще немного — и разденемся догола. Но торжественный тон работника загса заставляет нас немного уюмониться. Мы стараемся вести себя соответственно случаю, но все-таки все принимает комический оборот. День и час церемонии были назначены несколько дней назад. Мы немного удивлены той поспешностью, с которой нам было позволено пожениться. Наши свидетели — Макс и Сева — должны были побросать в этот день все свои дела. Рано утром я начинаю готовить свадебное угощение, но все пригорает на маленькой плитке. Мы расположились на несколько недель в малосенькой студии одной подруги — певицы, уехавшей на гастроли. Я стараюсь расставить мебель вдоль стен, чтобы было немного больше места. Но, так или иначе, в этом ограниченном пространстве могут усесться и двинуться не больше шести человек.

Тебе удается упрямить полную даму, которая должна нас расписать, сделать это не в большом зале с цветами, музыкой, фотографом и так далее, а в ее кабинете. Нам бы и в голову не пришло обстоятельство, которое заставило ее согласиться. Она это сделала не из-за нашей известности, не потому, что я иностранка, не потому, что мы хотели пожениться в узком кругу и скромно. Нет, что возобладало — это неприличие ситуации: у нас обоих это — третий раз, у нас пятеро детей на двоих! Пресвятой

что этот день может стать и последним днем нашей жизни, я кричу, резкий поворот руля нас спасает, мы стукаемся головами о крышу машины, — и вот уже в полубезумном состоянии мы спускаемся по коридорам вслед за молодым человеком в темной форме, который ждал нас у входа. Для него это тоже самый счастливый день в его жизни, он заикается, вытирает лоб сиреневым платочком, в десятый раз повторяет: «Вы не можете себе представить...» Он, кстати, так и не сказал, что именно мы должны себе представить. После прогулки по подвалам, полным труб и странных запахов, мы подходим, наконец, к двери кабинета. Там нас ждут Макс и Сева, тоже несколько растерянные. Мы обнимаемся. Каждый раз, когда протокол не соблюдается буквально, все смеется и доходит до абсурда. Мы стоим перед закрытой дверью, вдалеке беспрерывным потоком льются приглушенные звуки свадебного марша, слышатся смех, аплодисменты, затем — сакраментальное: «Улыбочку!..»

И мы насчитываем, таким образом, уже шесть свадеб. Один из служащих, бледный и крахмаленный, отворяет перед нами дверь. Для него это не самый прекрасный день в его жизни — обычный день... Он нисколько не удивлен, что ему приходится вести по этому торжественному зданию,

ВЛАДИМИР, ИЛИ ПРЕРВАНИЙ ПОЛЕТ

пуританизм, ты спасаешь нас от свадебного марша! А если не будет церемонии, можно и не наряжаться. В конце концов мы так и остаемся в надетых с утра водолазках.

Ты уехал рано, потому что во что бы то ни стало хотел устроить мне какой-то сюрприз. Для этого тебе пришлось убедить Любимова отменить несколько спектаклей в театре. Ты возвращаешься с довольным видом и, хлопая себя по карману, шепчешь: «Порядок». Шофер такси, который везет нас во Дворец, желает нам всего, что только можно пожелать, он без конца оборачивается к нам, чтобы еще раз сказать, как он счастлив, что это — лучший день в его жизни, а также, конечно, и нашей. При этом он едва не сталкивается со встречной машиной, и я чувствую,

покрытому позолотой и красными коврами, четверых хохочущих людей. Он не узнает ни тебя, ни меня, никого. Он лишь выполняет определенную операцию на конвейере бракосочетаний.

Наконец, мы вчетвером рассаживаемся в двух креслах напротив вспотевшей дамы. На фотографии, которую сделал Макс, мы с тобой похожи на старательных студентов, слушающих серьезную лекцию, только ты сидишь на ручке кресла, и у нас слишком лицемерный вид. На нашу свадьбу получено добро, от которого, как известно, добра не ищут, и после «поздравительной речи» мы чуть было сами не уходим подобру-поздорову:

— Шесть браков, пятеро детей, к тому же мальчиков! (Очевидно, по мнению этой дамы, с девочками

дело обстояло бы легче.) Что вы наделали? Уверены ли вы в себе? Отдаете ли вы себе отчет в серьезности такого шага? Я надеюсь, что на этот раз вы хорошенько подумали...

Мне и смешно, и плакать хочется. Но я вижу, что ты вот-вот сорвешься, и держусь. Мы быстро расписываемся против галочки, и уже через несколько минут все конечно. Ты держишь свидетельство о браке, как только что купленный билет в театр, вытянув руку над толпой. Мы выходим, обнявшись, среди невест в белом тюле под звуки неумолимого марша. Мы женаты. Ты, наконец, спокоен. Празднование отменяется — нет времени: мы едем в Одессу. Через несколько часов мы будем на борту теплохода «Грузия» — это и есть сюрприз.

Главы
из книги
Марины
Влади

НАШ ПУБЛИКАЦИОН

На восьмой звуковой странице — песни Владимира Высоцкого «О двух автомобилях» в исполнении Марины Влади и «Белое безмолвие», которую поет автор.

Фото
В. ПЛОТНИКОВА

Настоящее свадебное путешествие на настоящем корабле. Без свадебного марша.

■
Однажды вечером ты возвращаешься поздно, и по тому, как ты хлопаешь дверью, я чувствую, что ты нервничаешь. Я вижу тебя из кухни в конце коридора. Ты бросаешь пальто, кепку и большими шагами направляешься ко мне, потрясая какой-то серой книжкой. «Это слишком! Ты представляешь, этот тип, этот француз, — он все у меня тащит! Он лишет, как я, это чистый плагиат! Нет, посмотри: эти

слова, этот ритм тебе ничего не напоминают? Он хорошо изучил мои песни, а? Негодяй! И переводчик — мерзавец, не постеснялся!» Мне не удастся прочесть ни слова, ты очень быстро пролистываешь страницы. Потом начинаешь ходить взад-вперед по квартире, и, ударом ладони подчеркивая рифмы, ты цитируешь мне куски, которые тебя больше всего возмущают. Я начинаю хохотать, я не могу остановиться. Задыхаясь, я наконец говорю тебе, что от скромности ты, по-видимому, не умрешь и что тот, кто приводит тебя в такое бешенство, не кто иной, как наш великий поэт, родившийся почти на целый век раньше тебя, — Артур Рембо. Ты открываешь титульный лист и краснеешь от такого промаха. И, оставив обиды, ты всю ночь с восторгом читаешь мне стихи знаменитого поэта.

■
У тебя есть тайная страсть к одному человеку, которым я и сама глубоко восхищаюсь. Однажды, весь сияя от радости, ты сообщаем мне, что Святослав Рихтер ждет нас к чаю. Я редко видела, чтобы у тебя так светились глаза. Ты чрезвычайно старательно выбираешь что надеть и все время спрашиваешь меня, который час. Нам и вправду оказана великая честь. С Рихтером мало кто встречался у него в доме — он очень застенчивый человек и прivityк к одиночеству, к тому же он почти все время на гастролях. Ты польщен тем, что твои песни, твоя работа в театре нравятся. Это приглашение — своего рода признание. Ты, уличный мальчишка с Мещанки, композитор, не умеющий записать ноты, приглашен самым великим пианистом своей страны — какое счастье! Я познакомилась с Рихтером в Париже у моей сестры Одиль Версуа, его давней и страстной поклонницы и близкой подруги. Я тоже робую, поскольку, за исключением этой короткой встречи, я видела его лишь как восторженная зрительница на концертах.

Как дети, мы переглядываемся, прежде чем войти в подъезд красивого дома в центре Москвы, где он живет. Мы поднимаемся по лестнице и звоним. Ты не успеваешь опустить рук, старающихся пригладить непослушные волосы, как дверь открывается. Ты так и остаешься стоять — руки вверх. Седовласый великан с голубыми глазами протягивает тебе ручищи, и невозможно себе представить, что эти огромные пальцы умеют скользить по клавишам, заставляя их так удивительно звучать! Мы входим в очень большой светлый зал. Здесь стоят два черных рояля, несколько банкетов вдоль стены. На полу разбросано конфетти, разно-

цветный серпантин цепляется за ноги. На банкетках — бумажные колпаки, свистульки и маски напоминают о том, что только-только кончился праздник.

— Сегодня ночью я принимал моих сокурсников по консерватории — всех, кто остался, конечно, — ведь столько лет прошло, мы веселились, мы играли в шарады... Разве теперь умеют так веселиться? Идемте, моя жена ждет вас.

После большого зала по-восточному убранная комната, где накрыт чай, кажется особенно уютной. Красивая женщина, одетая в темный шелк, здороваются с нами глубоким голосом оперной певицы. Я замечаю, что ты слегка покраснел. Сжимаешь пальцы, твой голос, еще более хриплый, чем обычно, выдает волнение. Мы пьем янтарный чай из старинных фарфоровых чашек и едим тающее во рту домашнее печенье. В разговорах о том, о сем мы дивно проводим время. И, волоса за собой несколько ленточек серпантина, приставших к обуви, мы спускаемся по лестнице все еще во власти волшебства.

В восемьдесят четвертом году я буду присутствовать в Париже на репетиции Рихтера. Когда маэстро поднимется, я подойду к нему, и мы долго посмотрим друг на друга. Своими сильными руками он возьмет меня за плечи, печально улыбнется и тихо скажет: «Нужно всегда быть готовым умереть. Это — самое важное».

■
Единственный поэт, портрет которого стоит у тебя на столе, — это Пушкин. Единственные книги, которые ты хранишь и время от времени перечитываешь, — это книги Пушкина. Единственный человек, которого ты цитируешь наизусть, — это Пушкин. Единственный музей, в котором ты бываешь, — это музей Пушкина. Единственный памятник, к которому ты приносишь цветы, — это памятник Пушкину. Единственная маска, которую ты держишь у себя на столе, — это маска Пушкина.

Твоя последняя роль — Дон Жуан в «Каменном госте». Ты говоришь, что Пушкин один — все русское возрождение. Он — мученик, как и ты, тебе известна каждая подробность его жизни, ты любишь людей, которые его любили, ты ненавидишь тех, кто делал ему зло, ты оплакиваешь его смерть, как будто он погиб совсем недавно. По выражению Булгакова, ты носишь его в себе. Он — твой кумир, в нем соединились все духовные и поэтические качества, которыми ты хотел бы обладать.

На свете счастья нет,
но есть покой и воля.

Перевела с французского
Юлия АБДУЛОВА

Кругозор

3 (300) март 1989 г.
Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ
ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1989 г.

На первой странице
обложки — фото
А. Лидова

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
13.01.89.
Подп. к печ. 24.01.89.
Б 07955.
Формат 84 × 108 1/16.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Усл. кр.-отт. 8,40.
Уч.-изд. л. 3,50.
Тираж 270 000 экз.
Зак. 84.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
☎ Телефон редакции:
241-67-67.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия:
Е. М. ВИНОКУРОВ,
В. В. ГАСПАРЯН,
М. А. ЗАХАРОВ,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛИС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
Л. В. ТЕРЕХОВА,
А. Я. ЭШПАЙ
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

«Уважаемая редакция! Мы с вами давно друзья. Ведь почти в каждом номере «Кругозора» нахожу что-нибудь меня интересующее. Особенно — новинки советской эстрады. Буду очень благодарна, если услышу новые песни Софии Ротару».

Янина Гонтаренко

«Мне кажется, что Андрей Зубков прекрасно сочетает в себе качества певца, композитора и музыкального редактора. И лучше всего это проявилось, на мой взгляд, в его песне «Ариадна».

Наташа А.,
г. Уфа, БАССР

«Я давно собираю фонотеку из записей, которые публикует ваш журнал. Хотелось бы иметь в ней песню «Ариадна».

Светлана Белик,
Магаданская обл.,
Беринговский р-н,
п. Алькатваам

На десятой звуковой странице — песни «Ариадна» (музыка А. Зубкова и М. Муромова, слова Р. Казаковой) и «Золотое сердце» (музыка В. Матеевича, слова А. Поперечного и М. Шаброва) в исполнении А. Зубкова и С. Ротару.

Все было непонятно. Впрочем, видимо, как раз это и было самым заманчивым. Ведь это только теперь мы стали допускать мысль, что в «спускаемых сверху» предписаниях что-то может оказаться неясным, а нечто и неправильным. Так вот: пришло указание «сверху» создать звуковой журнал. И никаких подробностей. Идея. Завлекательная, но ни облика, ни формата, ни названия будущего «гаджоутенка» в стае давно оперившихся изданий не предписывалось.

Журнал с пластинками... Кто-то сказал: «Это вроде курортных открыток «О, море в Гаграх» — мягкая пластинка и цветное фото?» Кто-то напомнил: «Но на страницах нужна и настоящая журналистика во всех жанрах, только мини-объема». Кто-то уточнил: «Но с непрерывной связью между печатным текстом и звуком». Кто-то усомнился: «А как ставить журнал на проигрыватель? Дырка посреди текста?» Кто-то... В общем, было много и сомнений, и предложений.

А вот названия придумать не могли. Объявили конкурс. Победителем оказался писатель Лев Кассиль, вспомнивший название некогда существовавшего журнала «Кругозор». Действительно, возвращение журнала

на проигрывателе подразумевало обзор действительности в 360°. А отсюда уже и произошло, что все сферы жизни должны быть журналу доступны и важны.

Общезвестно: чтобы сделать рагу из зайца, нужно как минимум иметь зайца. Покуда энтузиасты-основатели имели минимум. И минимум редкий: талант и опыт работы как в печати, так и на радио. Судите сами, кто начинал звуковой журнал «Кругозор». Ю. Визбор, прославленный бард, так рано ушедший из жизни; С. Есин — сегодня один из популярных прозаиков; Г. Шергова — писатель, руководитель и ведущая телесериалов; Е. Велтистов — детский писатель, отец знаменитого «Электроника»; Е. Храмов — поэт, ныне со всесоюзным именем; тонкий редактор Т. Винокурова; Л. Петрушевская, чьи пьесы теперь идут по всей стране; Д. Морозов, позднее лауреат Ленинской премии, его тоже нет среди нас; Л. Кренкель, музыкальная палитра учебных телепрограмм и сейчас во многом определяется ее вкусом и образованностью; И. Саркисян, темпераментный поэт и журналист.

Это был коллектив ярких индивидуальностей. Возглавлял его тогдашний первый заместитель предсе-

дателя Гостелерадио СССР Э. Н. Мамедов. На проводимых им заседаниях редколлегия действовал закон КБ главного конструктора С. П. Королева: сначала высказываются любые безумные идеи, а потом все хором набрасываются на них, чтобы затоптать. А самые жизнестойкие предлагаются для журнала.

У нового журнала было одно бесспорное преимущество перед старшими братьями. Жизнь на его страницах получала не только зримый облик, но и звучала ярким многоголосием.

Журнал вел свою фонограмму бытия. И не только современного. История государства, мира, хранящая в радиоархивах, заговорила со страниц «Кругозора». Заговорила голосами, похожими «на огненные пунктиры трассирующих пуль, перелетающих через горизонт времени».

Успех у читателей складывался не просто, но прочно. Однажды редакция получила телеграмму: «Ограблен киоск «Союзпечати». Украдены все экземпляры «Кругозора». Ах, получить бы сейчас такую телеграмму! Вот радости-то было бы!

Да, четверть века прошло. Многие задышали, заговорили, сбереглось для будущего на страницах и пластинках «Кругозора». В третий раз вышла

КАК РОДИЛСЯ «КРУГОЗОР»

«Звуковая книга о Ленине», и по-прежнему остается тем редким изданием, которое органично соединяет на своих страницах документированную мысль, зрительный образ и живой голос Ильича. Страницы этой книги заговорили с читателем, заговорили голосом Ленина, голосом партии, голосом истории.

Уже первые слушатели «Колобка», младшего брата «Кругозора», стали мамами и папами и «крутят» своим детям его пластинки. Пусть и они с благодарностью помнят тех, кто создавал «Кругозор»: талантливого журналиста И. Казакову, бессменных фотокорреспондентов А. Лидова и Л. Лазарева, главного художника А. Луцкого, неутомимого репортера и очеркиста А. Гальперина, О. Мельникова, М. Наталич, Л. Петрову, Л. Бурову — всех, кто начинал.

Они и те, кто пришел позднее, стремятся сделать вас собеседниками планеты, донести в ваши дома ее голоса. И если сейчас, поставив на проигрыватель звуковую страницу этого номера «Кругозора», вы скажете: «С юбилеем, «Кругозор»! Желаю тебе звонкого и нефашишского голоса на всю твою долгую жизнь» — нам будет, чего уж скрывать, приятно. ■

Редколлегия

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

На дворе март, весна, не за горами Всесоюзный конкурс красоты 1989 года. Кто победит на нем, что девицам-красавицам принесет лауреатская жизнь и что вообще делать с красотой? Небесполезен опыт московских красавиц — Мэри Калининой и Кати Чиличкиной, из которых первая получила титул «Принцессы мира», а вторая — «Мисс Европы».

Маше еще не было 17, когда ей позвонили из кино и предложили роль безупречной вдовы со стоянки каменного века.

— Хорошо порыдаться в мамонтовой шкуре, — плакала от смеха Маша, — но где набраться жизненного багажа, ведь я и замужем еще не была!..

Катя строила планы:

— Кооператив красавиц, что ли, организовать?

Будущее Калининой связывалось с поступлением в институт. Но в итоге придрался к формату фотографий и к медсправкам, а в пединституте имени Ленина приемная комиссия, две минуты назад кончившая работу, отказалась даже и документы при-

ДЕВИЦЫ-КРАСАВИЦЫ

нять. Случись подобное с обычной абитуриенткой, дело ограничилось бы домашними слезами. Но в эпоху гласности «Мисс Москва-88», примерная ученица и умница Маша Калинина тут же получила «утешительный» заголовочек в газетах: «Королева осталась за дверью».

Сейчас Маша Калинина и Катя Чиличкина осваивают специальность «фотомоделей» — многочасового позировании для журнальной рекламы. Под слезящими юпитерами сохнет кожа, слезятся и хуже видит глаза, все на нервах — такова цена красоты, популярности и цветных фотографий...

У конкурсов красоты есть оппоненты. Некоторые трубят, как в горы: «Не сантиметры, а одно таинство очарования есть критерий». Тут же «писаные» красавицы (от Сингапура до Швеции), услышав слово «очарование», спохватились, репили ничем его не отдавать и зимой сбегались в Москву, на вселенский спор за звание «Мисс Очарование-89».

Может быть, в турнирах и парадах красоты мелькают частички будущей гармонии голубоокой красавицы Земли?

А. ГАРИН

С фотографии смотрят на вас карие глаза милой девушки. В них — то выражение беззащитности, какое бывает у близоруких, стесняющихся носить очки. Скромная одежда, неброская косметика. Не было бы в этой фотографии ничего достойного внимания, если бы...

...Если бы не украшала она обложку пластинки 16-летней Стеффани Дарвич, которую друзья и родные зовут просто Тиффани. Ее дебютный альбом, так и озаглавленный — «Тиффани», — весной прошлого года возглавил список двухсот лучших пластинок США. А две песни, одну из коих — «Могло бы быть» — вам предлагает «Кругозор», одновременно заняли первые места в парадах популярности по обе стороны Атлантики: в США и Великобритании.

Как и положено юной американке, обладающей кое-какими музыкальными талантами, Тиффани «с детства знала», что станет знаменитой эстрадной певицей. Вокальные способности позволили ей поступить в музыкальную школу для одаренных детей, где юный талант приметил импресарио Джордж Тобин, «охотящийся» за новыми звездами эстрады. Далее в действие вступила стандартная методика подготовки звезды шоу-бизнеса. Эту «методу» у нас обычно представляли со знаком минус. Но нельзя ли из этого минуса извлечь какой-нибудь практический плюс?

Дальнейшую заботу о судьбе Тиффани взяла на себя фирма «Эм-Си-Эй». Она подобрала репертуар, предоставила студию для работы и «прикрепила» к юной певице преподавателей эстрадного вокала (кстати, в английском языке эта должность звучит как «тренер по вокалу») и сверх того помогла встретиться с гитаристом Чаком Йомеком и клавишником Джоном Дюартом. Это трио и записало практически все песни пластинки, вышедшей в конце 1987 года.

Вот такая система. К музыкальной стороне первых ее результатов эстрадные критики отнеслись прохладно. Они отметили изобретательность аранжировок (особенно в песне Леннона и Маккартни «Когда я видела его стоящим в стороне», которую вы также сможете услышать на звуковой странице «Кругозора»), пожурили музыкантов за невыразительность мелодий большинства песен. Однако с выходом диска работа не закончилась. Тиффани предстояло создать образ, который мог бы превратить певицу в кумира для слушателей. Каких именно? Подрастков! Шоу-бизнес требует расчета столь же точного, как в математике. Уже подсчитано, что ры-

нок перенасыщен «металлом» и группами «новой волны». Поэтому была выбрана «золотая середина». Песни подобались по «подорожковой тематике»: первые встречи, первые разочарования... и все в этом роде.

В интервью, которые все чаще стали появляться в молодежных изданиях США, Тиффани предстала обыкновенной школьницей, увлеченной пением и танцами. С подружками она чаще всего говорит о модах. А о мальчишках? «Ну, так, иногда...» — типичная фраза из ее бесед с репортерами.

По словам журналистов, такой образ пришелся по душе «юной Америке», уставшей от тяжелых проблем. Хватит якобы говорить и петь о наркотиках, о проституции, о СПИДе, о грядущей безработице. Хватит, так сказать, копить злобу на весь мир. Молодым хочется здоровой юности, наивной, хотя и затронутой первыми разочарованиями.

Успех превзошел все надежды «Эм-Си-Эй». Пластинка «Тиффани» стала платиновой и вышла на первое место в хит-параде популярного журнала «Биллборд». Второй раз за всю историю американской эстрады и четверть века спустя после триумфа Стиви Уандера этот хит-парад возглавил диск, записанный девочкой-подрастком. Кстати, за выстроенной простотой песен Тиффани действительно таились те душевность, искренность и чистота чувств, по которым истосковались не только молодые, но и взрослые слушатели.

Что ждет певицу в будущем? Пока она полностью находится под присмотром и влиянием продюсеров. Стиви Уандеру для достижения верхних ступеней эстрадной славы потребовалось немало сил, чтобы стянуть с себя подобную цепкую опеку. Хватит ли у Тиффани такого же упорства, желания и таланта? ■

А. ЕВДОКИМОВ

На одиннадцатой звуковой странице — песни «Когда я видела его стоящим в стороне» (Дж. Леннон, П. Маккартни) и «Могло бы быть» (Ч. Йомек, Д. Дюарт).

ЧТО ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ УСПЕХА?

ЗНАКОМСТВА

ТАМАРА ГВЕРДЦИТЕЛИ

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ

Сколько уже было скрещено шаг в споре по поводу проблемы: является ли эстрада искусством? В переводе эстрада — это просто «настил». Сегодня ее чаще причисляют к «масскультуре», потому что для нее характерно, мол, отсутствие духовности. И еще: в основе эстрады лежит эгоцентризм. Вот какие мысли владели мною, когда я шла на встречу с нашей эстрадной звездой Тамарой Гвердцители...

Говорят, что «глаза — зеркало души». Так вот, при виде ее огромных серых глаз все мои размышления, вызванные статьей Е. Лебедева «Кое-что об ошибках сердца», опубликованной недавно в «Новом мире», растаяли, как падающие на ладонь снежинки. Не может человек, в глазах которого и боль, и любовь, и муки, и вдохновение, быть душевно омертвевшим, бездуховным. И вспомнились строки из письма Лики Мизиновой А. П. Чехову: «Главное в нашей с Вами профессии — это не шум и не блеск, а умение нести свой крест и веровать». Она, Тамара Гвердцители, верует в благотворительную, если хотите, созидательную силу творчества.

Диалог, как обычно, начался с вопроса об истоках.

— Папа — кибернетик, мама — филолог, — отвечала она. — Видимо, с молоком матери я впитала ее любовь, страсть к музыке. Я ведь не только увлечена своей профессией, я одержима ею, как бывает охвачен человек высоким чувством — любовью. Природа подарила мне абсолютный слух. В пять лет меня приняли в центральную музыкальную школу. Почти тогда же я начала петь в ансамбле «Мзиури», что в переводе с грузинского означает «Солнечный».

— Можно ли сказать, что вы пришли на эстраду из мира вечного и прекрасного?

— Конечно. Ведь я воспитывалась на высоких образцах народной и классической музыки. Окончила консерваторию по классу фортепиано. У меня красный диплом...

Ее речь, одухотворенная мыслью, сверкала именами прославленных композиторов — Палестрины, Генделя, Чайковского, Рахманинова, Палиашвили...

— Не буду скрывать: моя мечта — стать композитором. Полагаю, что только тогда смогу самовыразиться, поведать музыкой свои переживания, раздумья о жизни, надежды и боли. Поэтому

учусь. Много учусь. Ведь в основе любой музыки должны лежать мелодия и гармония, если даже ты пишешь для эстрады.

— Не символично ли то, что вы вышли на эстрадные подмостки с песней «Музыка»?

— Да, эта песня Важи Азарашвили принесла мне успех. Я стала лауреатом конкурса молодых исполнителей советской песни в Днепропетровске.

Я уже знала, что в том же 81-м году Тамара Гвердцители была удостоена первой премии на фестивале в Сочи «Красная гвоздика». В 82-м получила II премию на Международном фестивале эстрадной песни в Дрездене. Талант, серьезное отношение к сво-

им творческим возможностям, наконец, успешные первые шаги на эстраде дали основание газете «Советская культура» присудить ей специальный приз «Надежда». Ну, и мне осталось только поздравить молодую певицу с новой победой, на этот раз на Международном фестивале болгарской эстрадной песни «Золотой Орфей».

— Но недавно, — как бы резюмировала Тамара, — я поймала себя на мысли: все, что сделано до сих пор, оказалось в кругу какого-то стереотипа. И только последняя песня в моем репертуаре — «Памяти Эдит Пиаф» — позволила вырваться из оков стереотипа.

А это тоже победа — победа над собой. Может быть, это первый признак крепнущего профессионализма. Профессионализм — это ведь не какое-то особое качество, основанное на опыте и мастерстве, это прежде всего осознание себя как личности. А приходит такое ощущение тогда, когда в твоей душе не только звуки, но и истины, которым ты верна, которые стремишься донести до других. ■

Антонина БАЛЪЯН

На двенадцатой звуковой странице — в исполнении Т. Гвердцители песни «Лошадка — жизнь» (А. Журбин, И. Грицкова) и «Памяти Эдит Пиаф» (О. Тевдорадзе, И. Резник).

Фото А. ЛИДОВА

